

ИСТОРІЯ
ДОНСКАГО ВОЙСКА.

ОПИСАНІЕ
ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

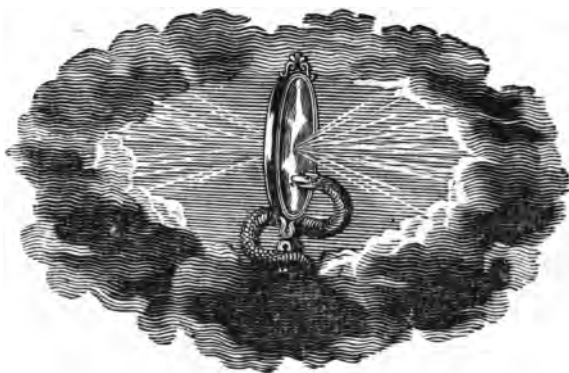
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петер-
бургъ, Декабря 7 дня 1833 года.**

Ценсоръ П. Гаевскій.

**ПОѢЗДКА
НА КАВКАЗЪ.**

Владимира Броневскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1834.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Мнѣ удалось такъ простудиться, что ни доктора, ни лекарства не избавили бы меня отъ смерти, если бы, по счастію, не догадались отправить меня, какъ безнадежнаго, на Кавказъ. Порядочная порція злаго зелья, принятая для исцѣленія простуды, встрѣтивъ въ желудкѣ моемъ другую болѣзнь, которой не подозрѣвали, произвела дѣйствіе противное ожидаемому. Меня согнуло въ дугу, свело руки и ноги, покрыло тѣло ранами, и изъ пяти чувствъ, оставило при мнѣ только одно, — чувство вкуса, которое при возбужденномъ лекарствами аппетитѣ, удержало жизнь мою на волоскѣ. Я лежалъ уже какъ бревно, не у мѣста положенное, которое каждые четверть часа надобно было поворачивать съ боку на бокъ, и въ день по нѣскольку разъ перетаскивать съ мѣста на мѣсто. Въ такомъ

положеніи, когда по истинѣ не стоило труда хлопотать о сохраненіи жизни, по совѣту медиковъ меня положили въ карету на постель, и 20 Мая 1831 года отправили изъ Петербурга на Кавказъ. — Pour acquitter la conscience, (для успокоенія совѣсти) я позволилъ дѣлать съ собою, что хотѣтъ, въ томъ убѣжденіи, что въ дорогѣ, на водахъ, и вездѣ на всякомъ мѣстѣ, можно умереть съ равною удобностію. Столь долго стоя на краю гроба, я привыкъ къ этому положенію, свыкъся съ мыслию о смерти, уже безъ страха смотрѣлъ на мое временное жилище, почти развалившееся, и безъ сожаленія готовился оставить его. По сему-то я надѣялся, что тѣло мое далеко не увезутъ: движеніе и тряска, какъ казалось, скоро прекратятъ мои страданія, и дѣйствительно отъ нестерпимой боли я едва не задышался, — думалъ умереть въ Ижорѣ, въ Тоснѣ; — но добравшись до Новгорода, привыкъ къ мукѣ, сталъ терпѣливѣе, и потихоньку подвигаясь далѣе и далѣе, къ крайнему моему удивленію доѣхалъ живой до Москвы.

Отдыхъ столько укрѣпилъ меня, что я получилъ возможность разсуждать о томъ, что

вокругъ меня происходило, и чувствуя себя бодрѣе, снова сталъ думать о сохраненіи жизни.

Въ Тулѣ, я какъ бы пробудился отъ продолжительнаго сна, и два дни провелъ въ ней съ удовольствіемъ. Прежніе мои сослуживцы и знакомцы, всѣ пришли къ болѣзненному моему одру съ утѣшеніемъ; такое состраданіе, болѣе нежели что другое, укрѣпило меня въ желаніи пожить еще немного.

Изъ Тулы выѣхалъ я какъ бы обновленнымъ, до Воронежа ѣхалъ не скучая, а тамъ, степь ровная какъ столъ, и безпредѣльная какъ море, утомила меня. Тутъ, на разстояніи 30 верстъ между станціями, нѣтъ и слѣда жизни; кромѣ неба и земли, покрытой высокою сухою травою, полынью, крапивою и ковылемъ, ничего не видно. Вездѣ одни и тѣ же предметы; повсюду представляется печальное однообразіе, и пустыня безлюдная, безлѣсная и безводная. Отъ Павловска до Ставрополя и далѣе, на разстояніи 800 верстъ, не видно ни одного дерева, ни одного куста.

Въ Донской землѣ деревни стоятъ къ дорогѣ спиною, и представляютъ снаружи безпорядочную кучу мазанокъ, и красивыхъ хижинъ,

по Азіатски разбросанно построенныхъ. Большая дорога идетъ мимо селеній, такъ что станціи, состоящія изъ одной избы, безъ двора и огорожи, находятся въ 5 и 6 верстахъ отъ селеній. У станціонныхъ старостъ, на всѣ вопросы, одинъ отвѣтъ: „*ничего нѣтъ, и ничего не знаемъ!*“ — На всемъ пространствѣ этой безконечной Донской степи, для ѣдущихъ на почтовыхъ, нѣтъ ни трактира, ни порядочной избы, гдѣ проѣзжающій могъ бы пообѣдать, или покойно отдохнуть. Посему каждый долженъ вести съ собою не только хлѣбъ, даже воду; ибо на многихъ станціяхъ въ колодцахъ вода горька и солона. Не запасшимся и имѣющимъ добрый аппетитъ, надобно посылать человека за нѣскольکو верстъ въ станицу, или хуторъ, и заплатить за все въ три-дорога, потѣрять для плохого обѣда три или четыре часа времени. Не мудрено, если торопливо ѣдущій въ сей малонаселенной странѣ, не взначай и врасплохъ познакомится съ голодомъ; но любители сытнаго стола, которые ѣдутъ не на срокъ, могутъ легко избѣгнуть сего неудобства. Для насыщенія они могутъ нарочно остановиться въ станицахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги или отъ станціи распо-

женныхъ, гдѣ, на постоянныхъ дворахъ, для обозовъ построенныхъ, найдутъ всякое изобиліе; но для сего они должны потерять много времени, отпустить почтовыхъ, и покушавши заплатить Казакамъ за 5 и 6 верстъ до первой станціи столько же прогоновъ, сколько было бы достаточно и на сто верстъ. Гастрономы же, и люди роскошные могутъ избавиться отъ голода другимъ болѣе удобнымъ средствомъ. Въ Воронежѣ запастись виномъ и сухою провизіею, и голодное пространство до Новочеркасска проскакать въ двое сутокъ. Кстати случилось, что на Донскихъ станціяхъ держатъ лошадей болѣе положеннаго, а нанятые Русскіе ямщики, какъ чужое добро, не берегутъ ихъ, и везутъ проѣзжающихъ по курьерски во весь опоръ. По счастью для меня, я привыкъ къ дорогѣ столько, что могъ уже ѣхать и ночью.

Въ Новочеркаскѣ отдохнулъ я отъ дорожнаго безпокойства въ третій разъ, и отдохнулъ какъ въ своемъ домѣ: тутъ нашелъ я роднаго своего брата, по службѣ живущаго со всѣмъ своимъ семействомъ. Забывъ, какой случай принудилъ меня посѣтить его, забывъ, что надобно ѣхать еще далѣе, но больные мои

кости скоро напомнили о томъ, и я пробывъ у него двое сутокъ, перекрестясь снова пустился въ путь. Не безъ досады, и не дешево переправился чрезъ Донъ, а тамъ по мягкой и ровной какъ столъ дорогѣ, ѣхалъ и день и ночь безъ остановки. Почтовые везли меня такъ скоро, что и Черкесы едва ли могли бы догнать меня. Наконецъ, не встрѣтясь съ этими храбрыми грабителями, 16 Юня, благополучно и безъ приключеній прибылъ въ Пятигорскъ, въ сію *Божію лебедницу*, гдѣ надѣялся возвратить потерянное здоровье и стать на ноги.

Тотчасъ по пріѣздѣ вручилъ я *исторію* моей болѣзни, составленную пользовавшимся меня въ Петербургѣ медикомъ, старшему на водахъ врачу Конради. Поручивъ себя его опытности, которая при леченіи водами стоитъ выше теоріи Медицины, я съ набожнымъ усердіемъ и военною точностію, исполнилъ всѣ его предписанія. Взялъ 100 ваннъ, изъ Сабанѣевского, Николаевского и Ермоловскаго ключей, не выше 32 градусовъ теплоты, и пилъ каждый день по 6 стакановъ минеральной воды изъ Михайловскаго и Елисаветинскаго источниковъ. Въ такомъ тѣлѣ, въ которомъ, какъ

думаю, и капли теплой крови не оставалось, могущія цѣлебностію воды не могли дать скорыхъ и рѣшительныхъ послѣдствій. Къ концу курса, видя себя въ томъ же почти положеніи, какъ и пріѣхалъ, вѣра моя къ Божіему лекарству начинала слабѣть, по счастію любовь къ жизни укрѣпила мою надежду, и я по совѣту Медиковъ, и добрыхъ людей рѣшился взять другой курсъ.

Должно было отказаться отъ службы, отъ попеченія о своихъ дѣлахъ; должно было все бросить, всѣмъ пожертвовать, чтобы сохранить себя для семейства. Выбирать было не изъ чего. Ѣхать въ Петербургъ, куда призывали меня множество *необходимостей*, было слишкомъ далеко, и уже холодно; оставаться въ Пятигорскѣ слишкомъ скучно, ибо всѣ пріѣзжавшіе на воды, большею частію отъ немощей изцѣленные, съ радостнымъ сердцемъ, разѣхались по домамъ. Я одинъ ни чѣмъ не обрадованный, съ смущеніемъ и горемъ, но съ покорностію волѣ Божіей, 15 Сентября отправился на зиму до начатія весенняго курса въ Новочеркасскъ.

Въ домъ брата моего нашелъ я нужный для меня покой; могъ вести жизнь беззаботную

и лѣнливую, что также было необходимо, какъ увѣряли меня всѣ Доктора, и всѣ больные испытавшіе на себѣ дѣйствіе Кавказскихъ водъ. Родственной ласкѣ, внимательному попеченію и радушному гостепріимству брата и невестки, обязанъ я и самымъ облегченіемъ отъ недуга моего. Они съ строгостію тюремщиковъ смотрѣли за исполненіемъ предписаній, данныхъ мнѣ Докторомъ Конради. Но три мѣсяца прошли, и ни малѣйшей перемѣны въ состояніи здоровья моего не было примѣтно. Я по прежнему лежалъ на постелѣ, и какъ пустой мѣшокъ, въ магазинѣ брошенный въ уголь, не трогался съ мѣста; какъ вдругъ, желая оборониться отъ мухъ, безнаказанно меня обижавшихъ, я сдѣлалъ усиліе, — и правая моя рука поднялась. Въ ту же ночь, и въ послѣдующія показался потъ, ноги мои, до сего холодныя, согрѣлись; и я, подобно шелковичному червю, началъ оживать, сталъ шевелиться, какъ-то нечаянно во снѣ повернулся съ боку на бокъ; и такимъ образомъ, не принимая никакихъ лекарствъ, наблюдая только умѣренную діету, къ половинѣ зимы, подобно Лазарю возсталъ изъ гроба, и къ крайнему

удивленію всѣхъ, а моею исключительной благодарности къ Богу, я могъ уже лежа на боку читать, писать, и по нѣскольку часовъ сряду сидѣть въ постелѣ.

Переходъ, хотя и медленный отъ животной къ разумной жизни, несказанно меня радовалъ; чудная водица, руками Творца приготовленная, начала дѣйствовать сильнѣе самаго сильнаго лекарства, и гораздо сильнѣе той, которая мельницы ломаетъ. Олицетворенныя Овидіевы превращенія, не могли бы удивить меня болѣе: оцѣпенѣвшее мое тѣло оживало, и я постепенно превращался въ существо живое, мыслящее, разсуждающее. На меня приходили смотрѣть, какъ на воскреснаго изъ мертвыхъ, но говорить со мною не могли, ибо я былъ еще такъ глухъ, что съ трудомъ могъ продолжать разговоръ; какъ эхо повторялъ послѣдніе только звуки рѣчи, и всегда почти въ стихъ.

Наконецъ Кавказская водица распорядилась въ исцѣленіи моемъ самымъ наилучшимъ образомъ: очистивъ желудокъ отъ двухъ, трехъ болѣзней, въ немъ поселившихся, и злаго зелья, которымъ Доктора наполнили его, давъ тѣлу моему нѣкоторую гибкость, а кожѣ

мягкость, принялась за голову — и привела меня въ ужасъ. Набѣтнѣй звонъ колоколовъ, кузница Вулкана, паденіе Нїагарскаго водопада, буря вырывающая съ корнемъ столѣтніе дубы въ дремучемъ бору, не могли бы произвести такого шума, треска и тревоги, какія я почувствовалъ въ головѣ моей, — и трепеталъ отъ страха, радовался отъ надежды. Отъ нестерпимой боли я нѣсколько дней не могъ уснуть, но полагая, что такъ дѣйствуетъ Божія микстура, стиснувъ зубы, терпѣлъ и не жаловался, не вскрикнулъ ни одного раза. Боль въ ушахъ, въ головѣ, и по сочувствію во всемъ тѣлѣ, утомила меня; я уснулъ, — проснулся, и вдругъ слышу въ другой комнатѣ шелестъ шаговъ! Приподнимаю голову, — прислушиваюсь, — и не знаю, какъ описать мою радость, мой восторгъ, и глубокое чувство признательности къ милосердію Всемогущаго! Нарывъ въ ухѣ прорвался, — я ясно различаю что говорятъ въ другой комнатѣ въ полголоса. Желая удостовѣриться въ томъ еще болѣе, я кликнулъ слугу, и тотчасъ замѣтилъ, и догадался почему онъ отвѣчалъ на призывъ мой, какъ сердитой Боцманъ во время бури кричить матросамъ: „*На еротъ-марсъ.....!*“

Такимъ образомъ перерожденный, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что обновленные во мнѣ умственные способности требовали пищи. Едва только три пальца правой руки начали шевелиться, и я могъ держать въ нихъ перо, какъ уже искалъ для себя какого-либо занятія. Тутъ, какъ сказалъ Марлинской: „случай явился ко мнѣ на ординарцы.“ Я воспользовался имъ, собралъ много свѣдѣній о Донской землѣ, и немедленно пересмотрѣлъ ихъ и привелъ въ порядокъ. Послѣ долгаго бездѣйствія, наконецъ началась моя умственная жизнь. Осмотрѣвъ Новочеркасскъ, и отправившись въ Пятигорскъ, я сталъ записывать все мною видѣнное.

Изъ благодарности къ цѣлебности Кавказскихъ минеральныхъ водъ, изъ благодарности къ Правительству, устроившему при нихъ всѣ нужныя строенія, я описалъ ихъ на мѣстѣ съ математическою точностію. То, что видѣли глаза мои, что испыталъ надъ самимъ собою, все описано мною съ возможною вѣрностію. Читатели не найдутъ однакожъ въ моемъ описаніи минеральныхъ водъ, химическаго ихъ разложенія, не найдутъ ученыхъ, до Медицины относящихся разсужденій, — я писалъ для не-

разумѣющихъ Медицину; и больные, вѣдущіе на воды, найдутъ въ моей *Помъздкѣ на Кавказъ* все то, что имъ можетъ быть полезно, нужно и пріятно; найдутъ полное руководство къ тому, какъ они должны вести себя при цѣленіи водами, какія удобства и неудобства найдутъ они въ своемъ содержаніи и помѣщеніи, и во что можетъ обойтись и то и другое. Словомъ, я познакомлю предполагающихъ ѣхать на Кавказъ, со всѣми тѣми предметами, которые они встрѣтятъ на пути своемъ и въ самомъ Пятигорскѣ, и по которымъ расчисливъ собственные средства, каждый можетъ расположиться такъ, чтобы на дорогѣ и при леченіи водами, не встрѣтить неожиданныхъ препятствій.

ПОѢЗДКА НА КАВКАЗЪ.

НОВОЧЕРКАСКЪ.

Подъѣзжая къ Новочеркаску по Воронежской дорогѣ, уже соскучившись и отчасти привыкнувъ къ однообразному, безжизненному виду степей, видѣ горы, рѣки, еще необсохшей части разлива, длинная плотина, плывучій мостъ и триумфальныя ворота, обѣщаютъ городъ большой и хорошо устроенный. Но какъ наружность часто бываетъ обманчива, такъ и здѣсь; едва минуешь ворота, городъ исчезаетъ и глаза разочаровываются. При въѣздѣ много пустырей, много домиковъ безъ воротъ и забора; и обширное мѣсто для публичнаго сада, въ коемъ пока, кромѣ низкой загородки, нѣтъ еще ни одного дерева. Въ срединѣ города, изрядная улица, съ перваго взгляда представляетъ нѣчто хорошо начатое, съ намѣреніемъ никогда не кончить. Тутъ огромный каменный соборъ, въ чернѣ доведенный до купола, стоитъ безъ крыши и отъ давняго времени,

какъ остановлена работа, онъ началъ уже сверху разваливаться. Здѣсь домъ еще строится, а тамъ отъ вѣтхости уже валится; тутъ приготовлено множество камня, лѣса и другаго строительнаго матеріала, отъ долгаго лежанія почернѣвшаго и частию уже сгнившаго.

Городъ Новочеркасскъ лежитъ подѣ 47° 24' сѣв. широты и подѣ 57° 47' долготы отъ перваго меридіана; заложенъ 18 Мая 1805 года; жители переселены въ него изъ бывшаго городка Черкаска, который съ того времени называется Старочеркасскою станицею. На уничтоженіе сего послѣдняго имѣли достаточныя и основательныя причины. Старо-Черкасскъ стоитъ на низменномъ берегу Дона, во время полои воды, онъ весь на острову, коего только средняя часть остается сухою; а по нижнимъ улицамъ ѣздить въ лодкахъ. Дома построены тамъ весьма тѣсно, безъ дворовъ, на высокихъ сваяхъ, что увеличиваетъ издержки и уменьшаетъ прочность зданій. По слитіи воды, грязь и смрадныя испаренія весьма вредили здоровью, и большую часть года затрудняли сообщеніе съ городомъ; притомъ, какъ вода Дона не всегда годится къ употребленію, то, за неимѣніемъ колодцевъ и ключей, жители терпѣли въ водѣ великій недостатокъ. Мѣсто, избранное для Новочеркасска, не имѣетъ сихъ неудобствъ и при самомъ поверхностномъ обозрѣніи, представляетъ превосходное положеніе. Онъ расположенъ на плоской вершинѣ и по скатамъ до-

вѣльно высокой и крутой горы, съ сѣвера и востока обтекаемой рѣчкою *Тузовымъ*; а съ юга *Аксаемъ*, рукавомъ Дона, который выходитъ съ правой стороны сей рѣки, и по протеченіи 60 верстъ, впадаетъ въ нее же близъ Аксайской станицы. На пространствѣ 13 верстъ кругомъ, городъ разбитъ принятыми широкими улицами, раздѣляется на 3 полицейскія части и 76 кварталовъ; въ немъ находится 7 большихъ и 6 малыхъ площадей, 52 улицы, и 6 церквей. Новочеркасскъ есть единственный на Донской землѣ городъ, въ немъ находятся высшее войсковое начальство, гражданское и военное; и всѣ нужныя общественныя зданія, какъ то: домъ Войсковой Канцеляріи, Духовная Консисторія, Черкасское сыскное начальство, Градская полиція, Гимназія, уѣздное училище, типографія, почтовая контора, войсковой госпиталь на сто краватей, домъ для умалишенныхъ, коихъ было 30 человѣкъ, острогъ, артиллерійской арсеналь, три казармы, войсковой хлѣбный магазинъ, гостиный дворъ и 3 рынка, лѣсная биржа, 10 питейныхъ домовъ, двое большихъ каменныхъ городскихъ воротъ и 1702 обывательскихъ дома, изъ коихъ 282 каменныхъ, а прочіе деревянные. Изъ заведеній по части промышленности, здѣсь находятся: 1 водочный заводъ, 2 пивоваренныхъ, 3 салотопни и 4 кирпичныхъ завода. Жителей, включая и находящихся здѣсь военныхъ, считается до 14,000 душъ обоего пола.

Строеніе расположено по хорошимъ архитектурнымъ чертежамъ и вообще имѣетъ красивую

наружность ; есть дома каменные двухэтажные, но не болѣе какъ въ 9 оконъ по наружному фасаду ; большая же часть домиковъ въ 3 и въ 5 оконъ построены изъ тонкихъ пластинъ, снаружи и внутри выштукатуренныхъ и покрытыхъ камышемъ. Улицы не мощены, только главные отчасти выпланированы, кое-гдѣ сдѣланы однакожъ тротуары ; но нѣтъ ни одной улицы совершенно еще оконченной, и ни одной правильной площади ; онѣ обширны и походятъ на выгонъ или поле, препорядочно унавоженное. Гостинный дворъ, глухой безъ оконъ, наскоро сбитъ изъ досокъ ; на главной площади, по срединѣ, не умѣста, застроены какіе-то изъ лубковъ чуланы. Казенныя зданія также не великолѣпны, многія уже вѣтхи, а другія стоятъ недостроенныя ; Гимназія на примѣръ, огорожена какимъ-то временнымъ заборомъ, состоящимъ изъ низкихъ столбиковъ, къ коимъ прибито по одной гнилой дощечкѣ, а по близости ее находящаяся казарма стоитъ уединенно безъ воротъ и забора. Только арсеналъ для небольшого числа легкихъ орудій и двое триумфальныхъ воротъ бросаются въ глаза. Послѣдніе построены были по желанію Атамана Графа Платова для торжественной встрѣчи покойнаго Императора Александра Павловича. Для производства общественныхъ работъ, при самомъ основаніи города, учреждены были два пятисотенныхъ рабочихъ полка, съ тачками и лошадьми, но за недостаткомъ ли денегъ или по инымъ какимъ причинамъ работъ произведено еще мало ; только съ 1826

года, когда войсковые доходы умножены строгою отчетностію, рабочіе полки начали трудиться по надлежащему, и есть надежда, что при постоянномъ усилии вскорѣ главныя улицы будутъ мощены и обведены тротуарами.

Въ здѣшнемъ гостиномъ дворѣ, многихъ необходимыхъ вещей еще въ продажѣ не имѣется; собственныхъ купцовъ мало, а вся торговля находится въ рукахъ Нахичеванскихъ Армянъ и Ростовскихъ купцовъ, которые малыми партіями привозятъ сюда нужнѣйшіе товары. Жители запасаются оными большею частію въ бывающую въ началѣ Октября ярмарку, на коей все можно купить дешевле, въ прочее же время, за все должно платить въ три-дорога. Въ самыхъ необходимыхъ мастеровыхъ великой недостатокъ, такъ что иногда не кому сапогъ починить. Одинъ каретникъ беретъ что хочетъ, а два цырюльника во всемъ городѣ, не берутъ ничего, что бы по призыву итти къ кому либо въ домъ; ибо они и сидя у себя на лавкѣ, не успѣваютъ перебрить всѣхъ къ нимъ приходящихъ. Портныхъ, столяровъ, плотниковъ, кузнецовъ и другихъ нужныхъ мастеровыхъ, также мало; и все это потому; что Казаки, какъ люди военные, никакими почти ремеслами не занимаются.

Нынѣшнюю зиму пріѣзжала въ городъ странствующая труппа актеровъ, и не смотря на бывшіе въ 20° морозы, во все время ихъ пребыванія продолжавшіеся, нетопленный театръ, былъ всегда

положѣ. О достоинствѣ актеровъ судить не будемъ, изъ игрѣ ихъ, по необходимости, должно быть снисходительнымъ; ими были довольны; публика тѣшилась, чего же болѣе?.... Благороднаго собранія нѣтъ, но служащіе въ Войсковой канцеляріи и немногіе чиновники, постоянно живущіе въ городѣ, проводятъ время не скучно: кромѣ семейныхъ праздниковъ, по вечерамъ знакомые собираются играть по гривенкѣ въ бостонъ, или по маленькой въ вистъ, толкуютъ о своихъ приказныхъ дѣлахъ, о проискахъ, о хитростяхъ, о протестахъ прокурора — и вострятъ на досугъ....

При перенесеніи города изъ Старога Черкаска, не знаю почѣму для новаго не предпочли мѣсто, гдѣ стоитъ Аксайская станица, которая положеніемъ своимъ на высокомъ берегу большой судоходной рѣки представляетъ еще важнѣйшія удобства. Положеніе Новаго-Черкаска, конечно гораздо выгодиѣ старога, но положеніе Аксая еще выгодиѣ: кромѣ торговли, которая, не смотря на близость богатаго торговаго Нахичевана, должнаствовала скорѣе обогатить жителей новаго города, и доставить промышленности большія средства, самое положеніе представляетъ на горѣ обширное ровное мѣсто, весьма пригодное для расположенія города. Хотя Новый Черкасскъ можно назвать Золовымъ царствомъ, ибо гора, на которой онъ расположенъ, такъ сказать, притягиваетъ къ себѣ вѣтры, но они не спасаютъ однакожъ отъ постоянной лихорадки, почти неизбѣжной,

особенно для приѣзжающихъ. Островъ, образуемый Дономъ и Аксаемъ, подходитъ къ самому городу, и по слитіи весенняго разлива представляетъ болото, въ самые каникулы гнилыми своими испареніями заражающее воздухъ. По Аксаю, кромѣ водополи, и небольшія лодки за мелководіемъ ходить не могутъ; а потому въ городъ все доставляется гужемъ. Придумываютъ, низовую часть рѣки отъ Ново-Черкаска до впаденія ея въ Донъ, углубить посредствомъ шлюзовъ, а для запаса воды запрудить плотиною и Тузловъ; но, такія работы едва ли будутъ стоить дешевле того, если бы весь городъ рѣшились переселить въ Аксай.

НА ПУТИ

ИЗЪ

НОВОЧЕРКАСКА ВЪ ПЯТИГОРСКЪ.

26го Апрѣля 1832 года, отслуживъ молебень, горько разстался я съ людьми мнѣ любезными. Братъ съ всѣмъ семействомъ провожалъ меня до триумфальныхъ воротъ; подлинно справедливо говорить пословица: дальнія проводы, лишнія слезы. Пять разъ обнявшись и столько же поплакавъ, наконецъ простились и въ разныя стороны разъѣхались. Скорый переходъ изъ дома, гдѣ я избалованъ былъ покоемъ и гдѣ оставалъ безцѣнный для меня залогъ, сына; грозящая опасность отъ разбоевъ Черкесовъ, а паче неизвѣстность, помилуетъ ли меня Богъ, избавить ли отъ болѣзни? какъ тяжелый камень легли мнѣ на сердце. Я былъ сумраченъ и печаленъ, какъ осенній день; но когда на первой станціи въ *Зміевъ*, лошадей перемѣнили скоро и во весь духъ довели до *Акса* благополучно; то явленіе новаго предмета,

подобно великолѣпной декораціи, съ видомъ величественной рѣки, выдвинувшейся на сцену, приудило меня заняться разсмотрѣніемъ онаго; и я скоро разсѣлся и на минуту забылъ о горѣ.

Съ прїѣзду, изрядной архитектуры каменная церковь, и другая пониже въ половинѣ горы, столь же хорошей наружности, первыя бросаются въ глаза. Далѣе, по скату крутого прибрежія представляется городъ, деревня, или станица, не знаю какъ назвать. Тутъ мазанка, тамъ подобный блокгаузу, съ небольшими, неправильно прорѣзанными амбразурами, крытый черепицею или желѣзомъ каменный двухэтажный домъ. Здѣсь красивый деревянный, съ дырявою крышею, съ разбитыми окнами; а тамъ разбросаны хижины и палаты, крытыя лубками, камышемъ, дранью, травою, съ желѣзными ставнями и дверьми. Улицы расположены по крутому скату горы, узки и кривы, много развалинъ, пустырей, большая часть домовъ безъ заборовъ, или обнесены такими, которые, упавъ на улицу, мѣшаютъ проѣзду. Иные домики выжелтѣны, другіе выбѣлены, или, имѣя на себѣ натуральный цвѣтъ отъ времени побурѣвшій, украшены какими-то кривыми, короткими колоннами, и красивыми пестро размаляванными галлереями и крыльцами. Строеніе вообще являетъ видъ новый, странный и не совсѣмъ безобразный. На набережной *тихаго Дона*, широко разливагося, построены изъ лубковъ ряды, надъ крышею которыхъ на жердяхъ развѣшана *тарань*,

запахомъ своимъ заражающая воздухъ ; она составляетъ на Дону дешевое и лакомое блюдо для простаго народа. Ряды и предъ ними улица, наполнены всякаго рода товарами : въ первыхъ, сахаръ и деготь ; апельсины и хомуты ; бублики, инжиръ и драгоценныя ткани дивятся, что встрѣтились въ одной лавочкѣ ; на улицѣ кучами набросаны разное дреколѣ, гнилыя кокоры отъ разобранныхъ барокъ, ржавые якоря и котлы. Аксай почитается богатѣйшею станицею на Дону, и могъ бы быть, судя по выгодному положенію, однимъ изъ лучшихъ городковъ въ Россіи, если бы не былъ прикрытъ этою изорванною и замаранною по наружности мантиею.

Аксай носить имя знаменитаго завоевателя, грабителя и убійцы, противу котораго самъ Наполеонъ былъ самымъ мелкимъ карлюю. Темиръ-Аксакъ, къ несчастію, былъ здѣсь, и здѣсь какъ и вездѣ, оставилъ живой природѣ давно умершее свое имя и славу ^(a).

На пристани окружили меня перевозчики, люди видные, съ Азіатскими лицами, въ медаляхъ и Георгіевскихъ крестахъ. „Баринъ, давай торговаться,“ грубымъ, сиповатымъ голосомъ, воскликнули ко мнѣ челоѣкъ съ десять вдругъ, шумно и грозно. Это меня испугало, ибо будучи немо-

(a) ^aТемиръ-Аксакъ, названный Европейцами Тамерланомъ, оставилъ имя свое Темиринскому озеру что близъ Ростова, и Аксайскимъ горамъ, отъ войска и Аксайская станица получила свое названіе.

щенъ, я могъ ожидать отъ нихъ всякой неспріятности; но разсуждая, что кого Богъ обидѣлъ, тому терпѣть должно, рѣшился уступить и долго съ ними не спорить. А какъ они домогались сорвать съ меня лишніе рубль два, три, то торгъ нашъ окончанъ минуты въ двѣ. За 18 рублей, карету спустили, или лучше, брякнули въ лодку, немедленно отвалили и подняли парусъ.

Вѣтръ попутный, рѣка покрыта бѣляющими волнами; не смотря на шумъ вѣтра, хлюпанье паруса, крикъ перевозчиковъ и веселыя пѣсни рекрутъ, идущихъ изъ Пензы въ Ставрополь, я преспокойно закурилъ и, не выходя изъ кареты, написалъ сіи строки. Одного изъ рекрутъ спросилъ я: а есть ли у васъ хоть по палкѣ въ рукахъ? А на что, Ваше Высокоблагородіе, бодро спросилъ высокорослый молодецъ? Развѣ не знаешь, что на дорогѣ Черкесы безъ спроса и позволенія, инымъ жидки подрѣзываютъ? Богъ милостивъ, весело отвѣчалъ рекрутъ, какъ по колу въ руки, такъ и справимся; а не удастся, такъ за то Командиръ отвѣтъ дастъ. Богъ васъ помилуетъ, добрые молодцы, сказалъ я самъ себѣ, подлинно *удо-богатыри*, истинно Русскіе мужички; не диво что съ вами Русскому Царю все возможно, и все легко.

Внезапный толчокъ, стукъ и крикъ прервали патріотическія мои мысли, принудили, положивъ карандашъ, выглянуть въ окно и спросить: что

такое? Стали на мель! → Въ чемъ и сомнѣнія не было, ибо женщины и лошади взволновались; и одинъ пронзительнымъ воплемъ, а другіи топаньемъ, думали отогнать отъ себя страхъ и опасность, отъ которой проворные рекруты тотчасъ насъ избавили. Лодку съ мели столкнули, но хвостикъ снова завызилъ ее въ камышѣ. Пока онъ съ протянутою рукою, сначала тихо, а потомъ съ крикомъ требовалъ съ каждого своего пассажира недоговоренной, слѣдственно незаконной платы, съ тѣмъ, что бы получить помощь съ берега; рекруты опять скоро и легко лодку съ мели спехнули и снова подняли парусъ. Дерзновенный казакъ, въ третій разъ направилъ, и посадилъ лодку въ тину гораздо уже плотнѣе, и снова съ досадою и угрозами просилъ денегъ. Партионный командиръ крикнулъ, лодка снова поплыла, а одинъ изъ переѣзжавшихъ, потерявъ терпѣніе, сначала изъяснилъ свой гнѣвъ крупнымъ кореннымъ *Русскимъ словомъ*; а потомъ схватя обломокъ весла, выместилъ на хребтѣ грубаго и корыстолюбиваго нашего Харона свою, — и мою досаду.

Не смотря на три остановки, переплыли Донъ часа въ два, и безъ бѣды и боли вышли на берегъ у деревни *Мадино*. Усмиранный лодочникъ, перевезъ экипажи безъ спора, уже не требовалъ за то новой платы, а униженно просилъ только *на водку*. Такова жизнь этихъ людей: дабы вымучить нѣсколько лишнихъ грошей, они не гонятся за толчками; но проѣзжающимъ не легче отъ

того—имъ по истиннѣ надобно имѣть здѣсь болѣе, нежели верблюжье терпѣніе. На берегу встрѣтило меня самое непріятное для проѣзжающихъ слово: *лошадей нѣтъ!* Такъ Европа на правомъ берегу Дона кончилась худо; Азія на лѣвомъ началась еще хуже.

Переступивъ границу, невольно вспоминаешь о другомъ величайшемъ завоевателѣ, изрыгнутомъ лютою Азіею, и подобно грозному привидѣнію, на берегахъ Адриатическаго моря исчезнувшемъ; но еще незабытомъ: такъ памятно зло, такъ глубоко пускаетъ оно свои корни. На правомъ берегу Дона, грозный Тамерланъ живетъ *въ имени* Аксая; на лѣвомъ уstraшенному воображенію представляется ужасный Аттила, коего портретъ можно было бы отыскать въ толпѣ соплеменныхъ ему Калмыковъ, столь же безобразныхъ и храбрыхъ, какъ и тотъ, который самъ себя именовалъ *бигемъ Божиимъ*. Безмолвная толпа потомковъ, подвизавшихся подъ предводительствомъ сего варвара, но великаго человѣка, смиренно, съ самою простодушною, доброю миною, стояла близъ переправы, къ которой пришла на службу Царю Бѣлому. Такая превратность счастья тронула струну пристрастія моего къ отечеству, и мысль, „не ужели и Русскіе нѣкогда будутъ служить чужому Царю?“ мгновенно пробѣжала въ головѣ моей.

Битыхъ четыре часа принужденъ я былъ ждать

лошадей; но заплатя за рюмку *хаймаки* ^(а) полтину, когда цѣлое ведро молока продается здѣсь копейкъ по тридцати, выпивъ чашку кофе, я прижался въ уголокъ моего подвижнаго домика, и закуря трубку, все забывъ, успокоился, немного сдремнулъ, какъ сказали, что лошади готовы. Въ *Баталинской* опять остановка, лошади есть, да люди всѣ больны лихорадкою. Должно было по-вѣрить, ибо изъ Махина по той же причинѣ отпразднили меня съ однимъ фореитеромъ. И такъ, противу воли проѣхавъ въ цѣлый день только 47 верстъ, принужденъ былъ расположиться у больного старика ночевать.

Хозяинъ мой, худой и какъ воскъ желтый, едва держась на ногахъ, вошелъ ко мнѣ и просилъ совѣта, или *снадобыща*. Сказать прямо, что медицины не разумѣю и пособить ему не могу, показалось мнѣ слишкомъ жестокимъ. Не рѣшившись сказать правду, по примѣру многихъ путешественниковъ, вскинулся лекаремъ: поднесъ ему большой стаканъ хрѣпкаго пунша, изъ дорожнаго запаса своего подѣлился съ нимъ сушеною малиною; запретилъ ѣсть таранъ и молоко, предписалъ средства безвредныя, хотя, быть можетъ, и бесполезныя. Въ заключеніе же, прочелъ ему изъ Наставленія Суворова солдатамъ, слѣдующее: „*въ лихорадкѣ, день не пьш, другой не пьш; а въ третій, если не умрешъ, то съ голоду выздоровьешъ.*“

(а) Такъ Казаки называютъ варенныя сливки, по Татарски ими приготовляемыя.

Такъ одинъ изъ моихъ пріятелей, чловѣкъ проказливый и веселый, выметилъ *кликушу* тремя средствами: зажигательнымъ стекломъ прижегъ ей на затылкѣ волдырь; приказалъ высѣчь ее крапивою, и окатилъ ее съ головы до ногъ ведромъ холодной воды, пошептавъ надъ нею что-то и сказавъ, что она заколдована.

27го *Апрѣля*: Въ *Кахалинской* станціи скотской надежъ: опять бѣда и остановка. Ямщики, ни отъ кого не ожидая помощи, просили оной у Бога. Священникъ служилъ молебенъ, окропилъ святою водою весь дворъ, скотъ, — и потомъ меня, весьма некстати увѣряя, что вѣрующему Богъ благодать свою видимо посылаетъ. Господи! перекрестись и поцѣловавъ крестъ, сказалъ я самъ себѣ, поистиннѣ вѣрую, пошли и мнѣ благодать твою, и помилосердовавъ спаси и помилуй. Не смотря на столь усердную молитву, Богъ не послалъ ни на меня, ни на сихъ людей своей благодати. Староста, едва только перекрестившій лобъ, обчель меня въ прогонахъ, и обѣщавъ, по причинѣ большой станціи въ 33 версты, запречь семь лошадей, отпустилъ на шести. Отѣхавъ версть пять узналъ я обманъ: очень бы хотѣлось, покричать и побраниться, но не ворочаться же было съ дороги; а посему, что бы скорѣе усмирить свою досаду, заплѣ пѣсню самую безтолковую, какою на этотъ разъ, показалась мнѣ вся эта сторона.

Слѣдующая станція состоитъ изъ одной избы безъ огорожи, какъ бивакъ; а станица *Мехетинская*

верстахъ въ пяти. Это сдѣлали по долгому размышленіи, для того, чтобы почтовыми лошадьми доставить близкій подножный кормъ, дорогу провестъ прямѣе, станціи уровнять; — и недумавши, невзначай лишили проѣзжающихъ всякой помощи. Такому распоряженію слишкомъ удивляться не должно; и у насъ, во всѣхъ станціонныхъ избахъ долго висѣли по стѣнамъ печатныя правила, въ которыхъ не было и *единыхъ письменныхъ* буквы въ пользу проѣзжающихъ; а все относилось единственно въ охраненіе *гести*, пользующагося заурядъ 14 классомъ смотрителя, какъ будто для нихъ однихъ дороги и почты учреждены были.

На дорогѣ къ *Егорлыку*, люди мои подняли кису съ пашпортомъ, бѣльемъ и пятью рублями мелкихъ денегъ; не зная что съ нею дѣлать, я приказалъ отдать ее карантинному унтеръ офицеру, для доставленія по принадлежности. Но вскорѣ увидѣвъ торопливо проскакавшаго мимо Казака, приказалъ стоявшему возлѣ кареты чело-вѣку, кликнуть: Федоръ! Казакъ оглянулся, воротился, и когда подѣхалъ, я спросилъ его: какъ тебя зовутъ? Федоромъ; а по прозвищу? Курнаковъ. Такъ возми же свою кису, да впредь будь осторожнѣе. Не знаю кому изъ насъ при столь краткомъ объясненіи было лучше? мнѣ ли только что у него *не украшему*, или ему, столь неожиданно получившему въ цѣлости все, имъ потерянное.

Въ *Егорлыкѣ*, рыжебородый станціонный староста,

долго бранился съ людьми, мазать, или не мазать карету, 'долго спорилъ' сколько запрягать лошадей, требовалъ прогоны ассигнаціями; а какъ не было у меня пяти рублевыхъ, то онъ сдалъ мнѣ съ 25 рублей по курсу серебромъ. Мнѣ не хотѣлось подарить рубля два грубіяну, который и въ прежній мой проѣздъ наглымъ своимъ крикомъ перепугалъ мою жену; но онъ и теперь, также какъ и тогда, грозился отпрячь лошадей съ такимъ сердцемъ, что конечно *не прибѣлъ* меня только потому, что по степному мѣсту не было у него палки.

Въ *Пещаноконской* почевалъ въ чистой избѣ, но въ ней ничего и никого не было. Хозяева спали, и ни одинъ изъ домашнихъ не хотѣлъ встать для проѣзжающаго; по утру же за деньгами пришли трое. Самоваръ налили горькою водою, и согрѣли сорогъ на дворѣ собраннымъ; ночью водица жестоко отмстила мнѣ за неумѣренное употребленіе чая. Я лишніхъ часа два проспалъ и выѣхалъ поздно.

28го *Апрѣля*: Видали ли вы когда, какъ воды быстрой рѣки, смѣшиваясь съ морскою, представляютъ на поверхности моря двѣ полосы различнаго цвѣта? Такъ граница Донской земли съ Кавказскою областію, представляетъ рѣзкую черту: та же степь, но не тотъ же на ней цвѣтъ. Отъ самой границы, вмѣсто верстовыхъ столбовъ, по обѣ стороны дороги саженой чрезъ пятьдесятъ, насыпаны изъ земли курганы, а мѣстами изъ

камня сложены конусы; станционные смотрители въѣздивъ, лошадей переменяютъ не мѣшкаяши, и крикъ и шумъ умолкъ. Большія деревни, тысячи по двѣ и по три душъ, отстроены по плану, широкими прямыми улицами раздѣленными площадями, вездѣ исправная огорожа, мѣстами обсаженная деревьями, индѣ сады; церкви и кладбища расположены въ селеній; вездѣ выкопаны пруды или запружены рѣчки. Крестьяне, переведенные сюда около 50 годовъ и поздне изъ Курской, Орловской и Тамбовской Губерній, всѣ живутъ въ изыткѣ, хлѣба довольно, скота множество.

Что это такое? спросилъ я извозчика, показывая на уродливо изсѣченный изъ камня болванъ. *Мамай!* сударь, *Мамай!* отвѣчалъ извозчикъ, потогоня своихъ коней и безъ того скакавшихъ во весь опоръ. Эти Мамаи, другими каменными бабами называемые, представляютъ женскій бюстъ весьма безобразной Китайской формы; ихъ вкапываютъ на вершинахъ кургановъ, вмѣсто верстовыхъ столбовъ, а въ старыя времена, имъ, конечно, съ трепетомъ поклонялись народы, обитавшіе на сей землѣ. Истуканы сіи, подобные тѣмъ, которые нынѣ можно видѣть въ Калмыцкихъ божницахъ, принадлежать не Татарамъ, которые, какъ Магометане, не могли ихъ имѣть; а вѣроятно идолопоклонникамъ Калмыкамъ, Половцамъ и Печенегамъ. Нѣсколько такихъ Мамаевъ я видѣлъ по дорогѣ отъ Ростова къ Изюму. Вотъ предметъ достойный вниманія Антикваріевъ.

Еще въ Черкасѣ и на всѣхъ станціяхъ мнѣ рассказывали о разбояхъ Черкесовъ ужасы; но прїѣхавъ въ *Безопасную* узналъ, что неболѣе 12 хищниковъ напали на одного проѣзжающаго, да въ полѣ порубили трехъ мужичковъ. Такъ гора родила мышь; такъ молва, подобно снѣжному кому, катися съ вершины къ подошвѣ горы, выросла. Я долженъ былъ здѣсь ночевать, потому что на ночь никому не велѣно давать лошадей, даже почту и курьеровъ приказано останавливать.

29го *Апрѣля*: Спокойно уснувъ въ чистой горницѣ постоялаго двора, отъ правительства для проѣзжающихъ построеннаго, на зарѣ прекраснаго дня, я выѣхалъ въ сопровожденіи трехъ Казаковъ. До сего времени, земля, подобно морю при безвѣтріи, стелется ровно и безпредѣльно; но здѣсь степь взволновалась, единообразіе кончилось, и природа, облекшись въ новую брачную свою одежду, представляетъ виды болѣе разнообразныя, болѣе красивыя. Холмистое положеніе, приблизило горизонтъ къ зрителю, отъ чего кажется будто стало люднѣе, все ожило и веселѣе смотреть. Пестрые тюльпаны, піоны, ноготки, бархатцы и множество другихъ цвѣтовъ украшаютъ поля, манятъ взоры, но обманываютъ обоняніе. Весною, пока солнце еще не такъ знойно, и степныя мѣста имѣютъ свою прелесть.

Въ *Донской* и *Московской* станціяхъ видны еще остатки оборонительныхъ казармъ, окруженныхъ

осыпавшимся валомъ и рвомъ. Между Безопасною и Донскою, верстахъ въ 60 отъ Ставрополя, Генераль Эммануель, близъ большой дороги, строить домъ. Это будетъ первою усадьбою, въ сей малолюдной степи.

Въ здѣшнихъ окрестностяхъ живутъ Калмыки и Ногаи. Сіи первобытные обитатели сихъ странъ, нѣкогда страшныхъ для Россіи, теперь составляютъ самыхъ мирныхъ, покойныхъ подданныхъ. Народы сіи кочуютъ въ степи между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, на отведенныхъ имъ мѣстахъ. Объ образѣ жизни Калмыковъ мы уже говорили при описаніи Донской земли; Ногаи же, происходя отъ Татаръ, живутъ въ плетеныхъ, глиною вымазанныхъ хижинахъ, *Саклями* называемыхъ; питаются скотоводствомъ, и также какъ и Калмыки; кочующіе въ Кавказской области, Государственныхъ податей не платятъ, только своимъ Князькамъ или помѣщикамъ, съ каждой сакли или кибитки платятъ въ годъ рублей по двадцати.

Подъѣзжая къ Ставрополю, какъ нѣчто рѣдкое представляется лѣсъ, еще мелкою и кривою; но въ право отъ дороги видѣнъ большой дубовый лѣсъ. Самый городъ расположенъ по оврагамъ, сады окружаютъ небольшіе красивые домики, главная широкая улица идущая по скату горы обстроены лучшими домами, на ней гостинной дворъ изъ желтоватаго известковаго камня украшенъ колоннами. Здѣсь также есть остатки землянаго вала и казармы съ бойницами. Въ Ставро-

полѣ, какъ областномъ городѣ, живетъ начальствующій Кавказскою областію и войсками, по Кубанской и Кавказской линіи расположенными; здѣсь Корпусный Штабъ, Коммисаріатское депо и всѣ гражданскія присутственныя мѣста.

Справедливо говорится: *Поспѣшишь, такъ людей насмѣшишь*. Лошадей запрягли, расчелся съ хозяиномъ, хотѣлъ уже садится въ карету, какъ человѣкъ избѣгавъ весь городъ, и не нашедъ дежурнаго, возвратился безъ открытаго листа, необходимаго для полученія конвоя. Здѣсь проѣзжающему, нетерпѣливому и торопливому, настоящая мука. Подорожную надобно предъявить въ Полицію, прописать у Коменданта, послать къ Почтмейстеру, потомъ къ станціонному Смотрителю; а тамъ за открытымъ листомъ къ Дежурному Штабъ-Офицеру, наконецъ къ Плацъ-Адъютанту и Казачьему уряднику. Вотъ сколько инстанцій, не лучше судебныхъ, гдѣ также можетъ закружиться голова отъ замедленія.

30^е *Апрѣля*: По неволѣ потерявъ цѣлыя сутки, на утро какъ я хлопоталъ о конвоѣ; но его не получилъ. Я простоялъ у заставы болѣе часа, наконецъ, Казачій урядникъ объявилъ, что конвою прежде 10 часовъ давать не приказано. Надобно было ждать у заставы еще пять часовъ, или возвратиться въ городъ, искать новой квартиры, которыхъ, по числу проѣзжающихъ, весьма не много: — я плюнулъ и приказалъ ѣхать безъ конвоя. Во весь духъ понесли меня почтовые,

дорога все подъ гору, станція не велика, и я проѣхалъ ее весьма скоро. Окрестности города уже довольно населены, одна деревня *Надежска*, при подошвѣ невысокаго хребта горъ расположенная, тянется почти на шесть верстъ. Въ *Марьевкѣ*, напившись чаю, и вмѣсто шести получивъ только трехъ Казаковъ, опять плюнулъ, приказалъ погонять и скоро пріѣхалъ въ *Базовую балку*, гдѣ начинается давно знакомая рѣчка *Ашлы*. *Сергіевка*, на рѣчкѣ *Голоустовкѣ*, стоитъ на самой вершинѣ холмистой возвышенности; откуда всѣ рѣчки текутъ, однѣ на Сѣверъ въ *Донъ*, другіе на Югъ въ *Кубань*. *Калиновка* уже въ горахъ, еще не высокихъ, и расположена по скатамъ оврага. Далѣе горы постепенно растутъ, видѣются уже голыя каменные скалы и между ими глубокія тѣснины; но далѣе опять встрѣчаются ровныя мѣста.

Заштатный городъ *Александровъ*, расположенъ на низкой равнинѣ; при вѣздѣ болото, грязь и садъ съ корявыми деревьями. Я остановился въ гостинницѣ *Рахманова*, пестро раскрашенной и обсаженной тополями, на коихъ дурачились множество скворцовъ, что моего большого племянника очень забавляло; ребенокъ во всю ночь ими бредилъ, а весь слѣдующій день передразнивалъ ихъ и голосомъ и руками. Мнѣ дали прекрасную чистую комнату, украшенную кой-какими картинками, продаваемыми въ Москвѣ на Спаскомъ мосту, и фасадомъ городской церкви, не

очень красивой наружности; и взяли не дорого, два рубля за ночлегъ.

1го Мая: Отдохнувши преспокойно, всталъ я очень рано, но выѣхать прежде ранней обѣдни не могъ; ибо и здѣсь какъ въ Ставрополѣ, кромѣ курьеровъ и эстафетъ, никого до 10 часовъ изъ города не выпускаютъ; даже крестьяне прежде сего времени на работу въ поле не выѣзжаютъ. Видно опасность велика, когда кромѣ поста, находящагося на половинѣ дороги между станціями, на каждаго трехъ и четырехъ верстахъ, разставлены по высотамъ по два Казака; такъ что между станціями, расположенными на разстояніи 20 верстъ, въ четверть часа на угрожаемомъ мѣстѣ могутъ собраться 20 Казаковъ; въ полчаса 60, а черезъ часъ 300 вооруженныхъ крестьянъ и 140 Казаковъ. При такомъ распоряженіи, казалось бы не могло быть опасности для проѣзжающихъ; но не смотря на то, Черкесы бьютъ и грабятъ на большой дорогѣ сколько имъ угодно и почти безнаказанно.

Отъ чего же это? спроситъ меня читатель: Отъ того, что Горскій *Джигитъ* и нашъ Донской всадникъ, вылиты не въ одну форму. Черкесскій наездникъ, облеченный въ кольчугу, имѣетъ подъ собою пробнаго, лучшей породы скакуна; быстрого и проворнаго какъ молнія. На всемъ скаку латникъ стрѣляетъ изъ ружья мѣтко, въ пистолетъ хранить вѣрную смерть тому, кто осмѣлится приблизиться къ нему на выстрѣлъ; *шашка*

въ рукѣ его какъ волшебный жезлъ, творить чудеса. Напротивъ, нашъ Донской ратникъ на своей пахатной лошади, плохо владея саблею, не впопадъ стрѣляя изъ ружья, съ одною только пикою, въ наѣздъ одинъ на одинъ, не можетъ равняться съ Закубанскимъ рыцаремъ. Черкесъ кормится одною только добычею, и выѣзжаетъ въ поле на промыслъ, какъ они говорятъ, *поохотиться, помолодегествовать*. Небольшая ихъ партія, надѣясь на своихъ коней, не боится превосходной силы, и отступаетъ предъ нею, какъ бы шутя, не торопясь. Никогда не напускаютъ они на пѣхотный строй, или толпу Казаковъ слишкомъ близко, но отходя шагъ за шагомъ, перестрѣливаются всегда издали; и если Казакъ хотя не много отъ своихъ выѣдетъ впередъ и выстрѣлитъ не впопадъ, тогда пиши его въ расходъ. Черкесъ пускается на него во весь духъ, наскакъ, ловко уклоняется отъ острія его пики, отводитъ ее въ сторону, или булатомъ своимъ пересѣкаетъ ее какъ тонкій пруть; и, тогда рубить сопротивника своего какъ капусту, и если время позволить, во мгновение ока прекращаетъ жизнь его, однимъ ударомъ остраго кинжала. Такимъ образомъ, не допуская атаковать себя по ближе, какъ бы хотѣлось храбрымъ Казакамъ, хищники, по волѣ своей, и особенно когда замѣтятъ, что ихъ начинаютъ обходить съ боковъ, прикинувшись шеѣ бурнаго своего коня, пускаются на нихъ какъ изъ лука стрѣла, въ минуту исчезаютъ изъ вида; и снова являются тамъ, гдѣ менѣе ихъ

ожидаютъ ; или , перескакавъ дальній ружейный выстрѣлъ , ѣдутъ шагомъ и снова уловляютъ минуту способную для нападенія . Такъ на Страстной недѣлѣ 1832 года , 20 удалцовъ осмѣлились напасть на *Сергіевку* , деревню , состоящую изъ 82 дворовъ , и погарцовавъ предъ 300 Донцовъ и мужиковъ , сколько имъ разсудилось , ускакали , потерявъ изъ своихъ не болѣе четырехъ ; а у насъ убили и переранили болѣе 20 человекъ .

Къ сожалѣнію Донцы наши , которымъ поручено охранять дорогу , ведущую къ минеральнымъ водамъ , столь мало уважаются Черкесскими хищниками , что три или четыре конвойныхъ нисколько не обезпечиваютъ жизни проезжающаго . Даже вмѣсто 20 Казаковъ , лучше имѣть при себѣ трехъ или четырехъ егерей , которые въ опасномъ случаѣ , зная , что пѣшій отъ коннаго не уйдетъ , защищая собственное свое тѣло , постараются продать свою жизнь какъ можно дороже , и вѣрнѣе ихъ защитѣ путешественника не предадутъ разбойникамъ на вѣрную смерть . Казаки же , при появленіи превосходной силы , непременно будутъ скоро разсѣяны и прогнаны , или сами заблаговременно ускачутъ , для истребованія помощи изъ ближняго селенія . Егерей должно предпочитать Донцамъ и потому еще , что Черкесскіе хищники при малѣйшемъ сопротивленіи , и когда замѣтятъ рѣшительность и стойкость , не слишкомъ напускаютъ , не очень жадничаютъ къ добычѣ ; ибо надѣются найти много случаевъ , въ

комъ съ меньшею для себя опасностію могутъ приобрѣсти гораздо болѣе. По сей послѣдней причинѣ, всѣмъ идущимъ къ минеральнымъ водамъ должно брать съ собою прислугу надежную, хорошо вооруженную, и на границѣ Кавказской области, въ Егорлыкѣ или въ Безопасной, ружья осмотрѣть, зарядить и на ночь въ дорогу не пускаться.

Изъ *Александрова* выѣхалъ я большимъ обозомъ вмѣстѣ съ Казачьими отрядами, назначенными для занятія постовъ. Лишь только легкія утреннія испаренія исчезли предъ лицомъ дневнаго свѣтила, выправъ открылся, какъ бы нечаянно, близко подошедшій великанъ, величественный *Элборусъ*, увѣнчанный снѣжною короною; а вскорѣ и *пять горъ* *Пятигорскихъ*, темною зеленью покрытыхъ. Въ разстояніи около 250 верстъ до перваго, и 116 до послѣднихъ, горы сіи являются какъ громады, поставленныя на гладкой, столу подобной равнинѣ. Отъ самаго *Петербурга* не встрѣчаешь ничего подобнаго, посему такой необыкновенный картинный видъ удивляя, прельщаетъ зрѣніе; но и тутъ собственнымъ глазамъ не вѣришь, что бы столь высокія горы могли существовать въ самомъ дѣлѣ. По новѣйшимъ измѣреніямъ, *Элборусъ* по высотѣ своей третьею горою на земномъ шарѣ. Первая *Джавалагири* въ *Тибетѣ*, вторая *Шимборазо* въ *Южной Америкѣ*, нашъ *Элборусъ* третья, за нимъ *Монъ-бланъ* и *Пикъ де Тенерифъ*.

Дорога до станціи *Саблі* и далѣ идетъ ровными мѣстами, пересѣченными холмистыми возвышеніями, такъ сказать, постепенно пріучающими къ виду большихъ горъ. Здѣсь опасность отъ Черкесовъ увеличивается, ибо по сторонамъ дороги находятся овраги и скрытыя мѣста изъ которыхъ они, не бывъ примѣчены, могутъ подкрадываться и нападать нечаянно на самой дорогѣ. И здѣсь, гдѣ болѣе предстоитъ опасности, къ удивленію, не видно никакой осторожности: на постахъ Казаковъ мало; а посему-то, ѣдущіе къ водамъ, будучи уже столь близко къ цѣли путешествія, могутъ избѣгнуть бѣды только случайно. Такъ нѣкто, пріѣхавши въ Неаполь и взглянувъ на Везувій, съ изумленіемъ спрашивалъ себя: кто осмѣлился построить городъ при подонвѣ страшнаго волкана? кто первый дерзнулъ ступить на землю горящую внутри? Какъ столь великое многочисленіе рѣшилось жить на такомъ мѣстѣ, гдѣ приложивъ ухо къ землѣ, можно слышать клокотаніе металловъ, растопленныхъ подземнымъ огнемъ? При всѣмъ томъ, одни пріѣзжающіе въ Неаполь иностранцы о семъ разсуждаютъ; а жители ничего не думая, въ вѣчномъ восторгѣ поютъ и пляшутъ! И это конечно потому, что привычка, также какъ и невѣденіе, храбрѣе трусливой человѣческой нашей природы; и дѣйствительно, кто изъ мужей, называемыхъ героями, кто смѣлѣе дитяти, которое, не думая ожечься, кладетъ пальчикъ на огонь?

Въ *Александріи* дали мнѣ только двухъ Казаковъ,

а тутъ переѣздъ черезъ Куму, почитается самымъ опаснымъ, потому что оба берега закрыты густымъ, высокимъ кустарникомъ, къ которому весьма близко подходитъ гора, мѣсто удобное для укрытія хищниковъ. Изъ *Георгіевска*, гдѣ еще опаснѣе, отпустили меня съ однимъ Казакомъ на лошадакъ, которая на 20 верстахъ стала. На послѣднемъ *Лысогорскомъ* постѣ къ *Пятигорску*, гдѣ хищники, скрываясь по ущеліямъ горъ, лѣсомъ поросшимъ, имѣють главный свой притонъ, отдали мнѣ послѣдняго часоваго, хилаго Казака безъ ружья и сабли. Признаюсь, тутъ я началъ разкаиваться, что не послушался *Георгіевскаго* смотрителя, совѣтовавшаго мнѣ ночевать въ городѣ, и вмѣстѣ съ другими проѣзжающими выѣхать на другой день по утру съ большимъ конвоемъ. Но поздно пришло мнѣ на умъ разкаяніе, выбирать уже было не изъ чего: что ѣхать назадъ, что впередъ предстояла одна и та же опасность. Люди мои храбро вооружились: одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ дѣтское ружье, другой ржавое драгунское посѣчище, ямщику и фореитеру дали по пистолу, съ прошедшей *Архипелажской* войны седьмага года не стрѣлявшихъ. Няня, посинѣвшая отъ страха, съ слезящими глазами высовывалась до половины, что въ одно, то въ другое окно; и ничего не видя ахала; вездѣ ей мерещились *Черкесы*. Двое слугъ, бывшихъ со мною, полагая, что и я также перепугался, какъ бѣдная старуха, увѣряли, что готовы умереть защищая меня; но я зналъ напередъ, чѣмъ все это кончится; зналъ

и то, что за одинъ выстрѣлъ, хищники изрубятъ насъ безъ милосердія; но не хотѣлъ однакожь приказать спрятать негодное наше оружіе, не хотѣлъ лишить ихъ удовольствія похрабриться, пока опасность еще не наступила. Хотя и я считывалъ смотря по сторонамъ, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе опасности, но какъ она могла случиться и не случиться, то преспокойно положивши голову на подушку, рѣшился ожидать лучшаго, пока не было еще худаго. Словомъ, я рѣшился струсить не прежде, какъ смерть будетъ уже на носу. Если не въ нашей состоитъ власти отвратить бѣду, то по неволѣ дѣлаешься философомъ; ибо въ такомъ случаѣ страхъ и жалобы, суета и безпокойство бесполезны. Между тѣмъ, какъ я старался успокоить ребенка, испуганнаго нянею, экипажъ катился по дорогѣ безостановочно, уже поровнялся съ соляными озерами; и наконецъ, часа за два до ночи пріѣхалъ я въ Пятигорскъ благополучно, радуясь, что не встрѣтился съ Черкесами.

ПЯТИГОРСКЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА ГОРОДЪ

До сего времени проѣзжая долинами и стенами, кое-гдѣ встрѣчая холмы, горами у насъ называемыми, наконецъ съ удовольствіемъ увидѣлъ настоящія горы, составляющія предгоріе, или такъ сказать норогъ, первый уступъ величественнаго Кавказа. По мѣрѣ приближенія къ сему горамъ, взоръ путешественника, ѣдущаго изъ Россіи, утомленный симметрическимъ видомъ долинъ, съ любопытствомъ, и какою-то особенною радостію смотреть на нихъ, и видитъ небо и землю и всю природу совершенно въ новомъ видѣ, въ другой одеждѣ. Съ пріятнымъ удивленіемъ замѣчая такое превращеніе, путешествующій, по неволѣ дѣлается живописцемъ: горы дробятъ передъ нимъ миліоны живописныхъ ландшафтовъ, и представляютъ ему столь великое и прелестное разнообразіе, что какъ бы чувства и зрѣніе его не были тупы, онъ невольно вперяетъ на нихъ взоры, съ жадностію рассматриваетъ ихъ, и не умѣя дать себѣ отчета, не умѣя сказать *почему?* наслаждается рассматриваніемъ; ибо каждый видъ ему нравит-

ся, каждый новостію своею, или свѣжестію красокъ, привлекаетъ къ себѣ его взоры. Наконецъ, у самаго Пятигорска дорога подходитъ къ подошвѣ *Машука*, въ полверсты перпендикулярной высоты столь крутой, что съ права, у васъ является отвѣсная скала, а съ лѣва обрывъ, омываемый быстрою, но мелкою рѣчкою *Подкумложь*. Подъ навѣсомъ сей скалы, на узкой стезѣ представляется нѣсколько хижинъ или мазанокъ, снаружи опрятныхъ; но столь маленькихъ и низкихъ, что если войти въ горенку и лечь на лавку, то одною рукою можно достать окно, другою дверь, а ногою коснуться потолка. Хижины сіи составляютъ небольшую улицу, называемою *солдатскою слободкою*; въ ней ближе, къ городу, котораго и пройдя слободку еще не видно, есть домики и въ три и въ пять оконъ по фасаду, въ коихъ 100 комнатъ отдаются въ наемъ за сходную цѣну. Одинъ изъ лучшихъ, принадлежащій главному врачу здѣшнихъ минеральныхъ водъ Копроди, очень уютенъ, пестро окрашенъ, и окруженъ цвѣтникомъ и садикомъ. Когда отъ сего домика, около послѣдняго возвышенія, на вершинѣ коего устроена госпиталь, круто поворачиваешь на право, тогда вдругъ, какъ рисованная декорація, является городъ.

Путешественникъ, утомленный дальнимъ путемъ, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ наконецъ достигъ цѣли своей, и видитъ предъ собою нѣчто *хорошее*, съ надеждою поднимаетъ глаза къ небу,

и опуская ихъ долу, нечаянно встрѣчаетъ множество предметовъ, какъ радость умягчающихъ сердце. Такъ первый взглядъ на Пятигорскъ усладителенъ. Пока слуга отыскиваетъ комнату для ночлега, пріѣзжій имѣетъ время осмотрѣться. Послѣдуемъ за нимъ.

Экипажъ его стоитъ подлѣ бульвара при началѣ главной улицы, идущей вдоль ущелья, между двухъ отраслей *Машука*, близко одна къ другой подходящихъ. Предъ нимъ гостинница, прекрасное двухэтажное каменное зданіе, съ фасада украшенное большою парадною лѣстницею, на коей шесть Ионическихъ колоннъ поддерживаютъ красивый фронтонъ. Въ одну линію съ гостинницей, представляется рядъ домовъ пріятной наружности; и еще видѣются нѣсколько колоннъ и двухэтажныхъ зданій. За сею линіею къ сѣверу, по скату горы, расположенъ небольшой городокъ, состоящій изъ одной улицы, идущей въ гору, и трехъ поперечныхъ. Всѣ домики правильной архитектуры, построены изъ тонкихъ брусевъ, снаружи оштукатуренныхъ и бѣло на бѣло выбѣленныхъ; большая изъ нихъ часть крыта желѣзомъ или тесомъ, зеленою краскою выкрашенныхъ, немногіе крыты камышемъ. Словомъ, Пятигорскъ, и при самомъ началѣ существованія своего, еще не планированный, невымощенный, и безъ тротуаровъ, очень походитъ на Нѣмецкой городокъ, весьма опрятный и регулярный. Небольшая деревянная церковь, снаружи обшита досками, украшена ко-

лоннами, и выкрашена такъ свѣжо, что при взглядѣ на нее, не видно ничего неокончаннаго, что у насъ случается и при самыхъ великолѣпныхъ зданіяхъ. На другой сторонѣ главной улицы, бросается въ глаза большой двухъ-этажной домъ, построенный отъ Правительства, въ коемъ раненные Офицеры получаютъ квартиры безъ платы. Другой домъ, для помѣщенія неимущихъ, въ знакъ благодарности за изцѣленіе водами, построилъ Донскаго Войска Генералъ Алексѣй Петровичъ Орловъ. Оба сіи зданія, также какъ и гостинница, построены изъ известковаго камня, снаружи неоштукатуреннаго и имѣющаго прекрасный натуральный пепельный цвѣтъ.

Другіе предметы, окружающіе пріѣхавшаго, пріятнымъ образомъ удивляютъ его. Не вѣрится глазамъ, чтобы въ такой глуши можно было найти и бульваръ, липами обсаженный, гладко укатанный и чисто пескомъ усыпанный, и на немъ почти такое многолюдство какъ на Невскомъ проспектѣ—почти такую же пестроту и щегольство—съ тою только разностію, что тутъ подлѣ бульвара журчитъ по камешкамъ ручей минеральной воды, запахъ котораго, хѣтя не услаждаетъ обоняніе, но обѣщаетъ то, для чего столько безпокойствъ претерпѣли въ дорогѣ. Зданіе ^(а) прекрасной архитектуры съ тремя портиками, передъ нимъ цвѣтникъ, а позади голая, обрывистая скала; и на ней въ

(а) Николаевская купальня.

половинѣ ея высоты, другое красивое зданіе ^(а) съ колоннами и белведеромъ. Выше, на второмъ уступѣ скалы, еще три вѣтхихъ зданія ^(б) одно надъ другимъ, какъ бы на крышѣ построенныхъ; и на самой вершинѣ скалы еще домъ ^(в), къ коему, трудными ногъ человѣческихъ пробита, извилистая, горная тропинка. Наконецъ, серповидное шоссе, по наклонной плоскости высѣченное въ каменной горѣ; подъ нимъ гротъ, сложенный изъ необдѣланныхъ камней, которыми хотѣли (да не могли) представить подобіе Ельборуса; предъ гротомъ, другой бульваръ полукруглой формы, акаціями и цвѣтами обсаженный; а крутой скатъ горы до шоссе, украшенный кривыми дорожками, кущами деревъ, цвѣтущими кустарниками, и зеленымъ какъ бархатъ дерномъ одѣтый; представляетъ видъ, столь въ цѣломъ прелестный, столь красивый и простой, что производитъ на чувства зрителя самое пріятное, глубокое впечатлѣніе.

Предполагая читателей моихъ не моложе 25 лѣтъ, скажу имъ, что еще при ихъ жизни, на мѣстѣ Пятигорска былъ небольшой аулъ, куда Закубанскіе народы пріѣзжали купаться въ бассейнахъ, устроенныхъ природою. Въ 1809 году, подлѣ аула, первый домикъ построилъ Исправникъ Водыньскій, въ слѣдующемъ году, Стряпчій

(а) Ериловская купальня.

(б) Александровскія купальни, принадлежащія къ главному горячему ключу.

(в) Госпиталь, прежде бывшая укрѣпленная валомъ казарма.

Чернявскій поставилъ другой, который и до сего времени сохранился конечно потому, что хозяинъ его по званію своему и у насъ въ Россіи причисляется къ сословію наиболѣе домовитому. Настоящее строеніе селенія, названнаго *Горячеводскомъ*, началось съ 1820 года. Первое казенное зданіе нынѣшняя Александровская купальня, построена при Губернаторѣ Малиновскомъ; Николаевскія купальни окончаны въ 1829 году; Ермоловскія, лѣтъ шесть прежде. Изъ Россіи начали пріѣзжать къ водамъ съ 1810 года, къ 1820 онѣ уже прославились; и съ сего времени число посѣтителей съ каждымъ годомъ увеличивается.

Кабардинскія, такъ Черкесами называемыя горы, окружающія Пятигорскъ, имѣютъ слѣдующія названія: 1, *Пестаная* (Кумъ гора); 2, *Мертвая*; 3, *Верблюды*; 4, *Змѣиная*; 5, *Желѣзная*, гдѣ нынѣ Желѣзноводскъ въ 20 верстахъ отъ Пятигорска, 6, *Пятигорская* (Бештау); 7, *Машукъ*; и 8, *Лысая* гора. Горы сіи нѣкогда составляли границу между Кабардою и Абазією, такъ что Кисловодскъ, въ 40 верстахъ отъ Пятигорска находящійся, принадлежалъ къ Абазіи. Сіи горы составляютъ подшву главнаго Кавказскаго хребта, стоятъ отдѣльно одна отъ другой въ видѣ возвышеній разнообразной формы. Черкесы также называютъ ихъ общимъ именемъ *Бештау*, слѣдственно супруга Царя Іоанна Васильевича, Марія Темрюковна, была богата только красотою, а не деньгами; а Князь отецъ ея, не Великой былъ Князь. Извѣстно по нашей

Исторіи; что тестъ, находясь подъ покровительствомъ зятя, чрезъ Русскихъ Священниковъ (1559 г.) снова крестилъ своихъ подданныхъ. Нынѣ они ни Христіане, ни идолопоклонники, и даже не Магометане; но какіе бы они не были, а со временъ Грознаго Царя должно ихъ почитать подданными Россіи, ибо покровительство сильнаго и богатаго, слабому и бѣдному, однозначательно съ означеніемъ слова: *покорнѣйшаго слуги!*

Въ 1830 году, *Горляеводское* селеніе названо городомъ *Пятигорскомъ*, и въ него изъ упраздненнаго Георгіевска переведены всѣ уѣздныя судебныя мѣста. Предположено и жителей Георгіевскихъ перевести и поселить подлѣ Пятигорска по западную его сторону, на возвышенномъ и ровномъ берегу *Подкумка*, составляющемъ первый уступъ, подходящій къ подошвѣ *Бештау*. Улицы разбиты, шесть мѣстъ желающимъ уже розданы, и вскорѣ въ пустынныхъ дебряхъ великолѣпнаго Кавказа явится прекрасный Европейскій городъ, гдѣ посѣтители знаменитыхъ дознанною цѣлебностію его водъ, найдутъ покой и безопасность. На счетъ послѣдней и теперь нѣтъ уже ни малѣйшей опасности отъ набѣговъ Горскихъ хищниковъ; они бродятъ по окрестностямъ и скрываясь какъ тати въ ущеліяхъ и по лѣсамъ, грабятъ, если удастся, проѣзжающихъ по дорогамъ. Приписанныя къ городу три Станицы съ 700 линейныхъ Казаковъ, и баталіонъ пѣхоты съ 2 пушками, квартирующий въ городѣ, для Черкеской конницы, храброй въ разбойническихъ на-

ѣздахъ, и трусливой въ битвѣ для чести, составляють оплотъ непреодолимый.

Какъ всѣ здѣшніе дома построены для прѣзжихъ, то внутреннее расположеніе оныхъ удобно. Комнаты содержатся довольно опрятно, снаружи оштукатурены, внутри обклѣены оберточной бумагою, разными колерами разкрашенной. Мебель, правду сказать, не очень благовидна и состоитъ изъ простыхъ деревянныхъ скамей, столовъ и разнокалиберныхъ стульевъ; есть и картинки лубочной печати, есть портреты Китайской живописи съ надписью, ибо безъ оной не лзя было бы различить человѣческаго лица отъ оранг-утанга. Есть и бракованныя Московскихъ фабрикъ зеркала, въ которыхъ и самое прелестное личико покажется безобразнымъ, готическимъ. Впрочемъ, хотя въ окна дуетъ и двери не притворяются, но все нужное есть, и сарай для экипажей, и кухни, и погреба и чуланы. Кромѣ казенныхъ зданій во всемъ городѣ считается 76 домовъ и флигелей, въ коихъ 436 комнатъ отдается въ наймы. Пріятно замѣтить, что всѣ здѣшнія города построены солдатами; которые подобно Римлянамъ, побѣждая распространяють просвѣщеніе. Безъ нихъ жители, коихъ въ Пятигорскѣ считается не болѣе 500 душъ, не могли бы построиться, и не имѣли бы портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, кузнецовъ и другихъ самыхъ необходимыхъ для общежитія мастеровыхъ. Здѣсь все солдатское.

За отдѣленіе въ три или четыре комнатки съ

особою кухнею и прочею прислугою безъ дровъ, (коихъ кубическая сажень продается отъ казны по 16 рублей), платится на весь курсъ, считая съ 1 Маія по 1 Октября, отъ 400 до 600 рублей. Одинъ только домъ Доктора Конради, лучше другихъ отдѣланный и снабженный мебелью краснаго дерева, отдается за 1000 рублей, болѣе и менѣе, смотря по прїѣзду или какъ удастся. За парныя дрожжи, здѣшняго солдатскаго издѣлія, такого же изыщества, какъ и мебель, платится по 50 рублей въ мѣсяцъ. Съѣстные припасы вообще дешевы: Шотландскіе колонисты, въ селеніи *Карась* въ 7 верстахъ отъ города поселенные, доставляютъ лучшее масло, молоко, хлѣбъ, картофель, зелень. Говядина продается по 7 коп., баранина превосходнаго вкуса по 10 коп. фунтъ; вино Кизлярское, употребляемое здѣсь больными, красное по 8 рублей, бѣлое по 12 руб. за ведро, прочее въ соразмѣрности. Лекарю платится 200 руб. за курсъ, и болѣе и менѣе, смотря по возможности ихъ паціентовъ. Одинъ Аптекарь изъ всѣхъ жителей Пятигорска, могъ бы навѣрное обанкротиться, если бы благодѣтельное Правительство не отпускало ему своихъ лекарствъ; — и при такомъ пособіи, доходъ Аптекарскій едва ли достаточенъ для пропитанія его домашнихъ куръ. Почтовые, дорожные и разные другіе издержки, каждый можетъ вычислить по числу своей услуги и экипажей. Вообще можно сказать, что если квартиры еще дороги, то за то столъ очень дешевъ. Примѣрно, столъ состоящій изъ 4 блюда безъ вина

для 5 особъ обходится крутомъ не болѣе полутора рубля. Многіе помѣщики пріѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ, и дѣльно дѣлаютъ: овесъ здѣсь можно купить по 2 руб. за четверть, а сѣно можно косить въ окрестностяхъ города, для чего надобно только запастись косою.

Все издалека привозное напротивъ стоить вообще почти вдвое противу Московскихъ цѣнъ. Модныхъ лавокъ, магазиновъ и рядовъ здѣсь нѣтъ; а въ 14 досчатыхъ лавочкахъ продаются жизненные припасы и низкаго сорта бракованная посуда, едва ли не дороже, нежели продается таковая, но лучшаго разбора, въ Новоархангельскѣ въ нашихъ Американскихъ владѣніяхъ. Недостатокъ сей отчасти вознаграждается пріѣзжающими Армянами: они привозятъ разные Персидскіе товары, ковры и матеріи; у нихъ же можно купить полную одежду и вооруженіе, употребляемыя Черкесами. Благодаря попечительности Правительства, распоряженіямъ мѣстнаго Начальства, и даже хозяевамъ домовъ, а всего болѣе премилосердому Богу, благодѣтельствувавшему сей край, теперь въ Пятигорскѣ, для непрічудливаго человѣка, можно найти все нужное; и предметы первой потребности, хотя въ продолженіе курса и превышаютъ обыкновенныя здѣшнія цѣны, но общій расходъ всѣхъ издержекъ и для бѣдныхъ не чрезмерно великъ. О богатыхъ же и думать нечего; ибо тому, кто проживаетъ въ Россіи по сту тысячъ въ годъ, здѣсь, какъ бы онъ о томъ не хлопоталъ

(исключая карты) и двадцати тысячъ прожить не удастся.

Недостатокъ мелкой серебряной монеты, есть одно неудобство, которое наиболее затрудняетъ пріѣзжающихъ. Что бы вы не покупали, на рынкѣ, въ лавкахъ и даже въ аптекахъ, за все и вездѣ должно платить мелочью сполна, и нигдѣ не возвратятъ вамъ сдачи и гроша; такъ что за неимѣніемъ мелкихъ денегъ, часто принужденъ бываешь отказаться отъ покупки самой необходимой вещи. Здѣшніе жители вообще ведутъ такой расчетъ, что бы въ нѣсколько дней, какъ ни малы ихъ средства, пріобрѣсть продажею или отдачею въ наемъ содержаніе себѣ на цѣлой годъ. Такъ въ Кисловодскѣ, за двѣ или три комнатки платится за 10 дней то же, что въ Пятигорскѣ за весь курсъ. На желѣзныхъ водахъ, дороговизна сія отчасти отвращается номерами въ казенномъ домѣ, по 5 рублей въ сутки въ наймы отдаваемыми; но при большомъ числѣ посѣтителей, когда всѣ мазанки и землянки въ солдатской слободкѣ займутся, то послѣдніе пріѣхавшимъ придется жить на бивакахъ, въ сквозной Калмыцкой кибиткѣ, платя за оную отъ 4 до 8 руб. въ сутки.

Недостатокъ въ Пятигорскѣ маленькихъ квартиръ по суткамъ, до сего времени весьма стѣснялъ пріѣзжающихъ. При началѣ курса, когда всѣ посѣтители живутъ въ Пятигорскѣ, во всемъ городѣ, только одна комнатка въ рестораціи и другой чуланъ въ домѣ Арешева отдаются

въ наемъ по суткамъ; если сіи заняты, то по великому числу всякой день вновь прїѣзжающихъ почти всегда случается, то прїѣзжій не выходя изъ экипажа, часто ночью, и подъ проливнымъ дождемъ, долженъ искать квартиру по домамъ и иначе какъ на весь курсъ. Никто на дворъ не пустить, если не заплатишь всѣхъ денегъ впередъ. Въ такой торопливости нанимають квартиру, какая попадется: тутъ торгу нѣтъ и хозяинъ беретъ, что ему разсудится. Съ 1833 года посѣтители не встрѣтятъ уже подобной досады: въ домъ купца Ярмонкина найдутъ они номера, по образцу Московскихъ трактировъ устроенные, гдѣ остановившись на два, на три дни, въ сіе время могутъ сыскать дешевле удобнѣйшую квартиру, и не торопясь и отдохнувши, успѣютъ заготовить дровами, столовою посудой, и всѣмъ, чего не привезли съ собою.

ОПИСАНІЕ САДА И НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ НЕМЪ

ВОДЪ.

Гора *Машукъ*, на южномъ и крутомъ скатѣ которой насажденъ садъ и построены городъ, заключаетъ въ себѣ множество минеральныхъ ключей, изъ коихъ только семь нынѣ употребляются; прочіе же по недостатку строеній и настоятельной въ нихъ нужды, текутъ безъ пользы.

Дорога въ садъ, гдѣ находятся сіи источники, идетъ продольною улицею прямо въ гору и, поворачиваясь на право, входитъ въ дефилею, составляемую двумя отрогами Машука. Здѣсь начинается садъ, колючимъ *лоховникомъ* непроходимо огражденный, и отчасти уже отдѣленный. Положеніе мѣста, до сего дикое и едва приступное для однихъ пѣшеходовъ, по желанію командовавшаго здѣсь Генерала Эммануеля, подъ рукою искуснаго Архитектора Бернардаци, приняло иной видъ. Между трехъ горъ, крутыхъ и высокихъ, на треугольномъ пространствѣ, явился садъ въ Англинскомъ вкусѣ; въ коемъ соединены всѣ искусственныя и природныя красоты. Тутъ павильоны, бесѣдки, гроты, крытыя аллеи, кусты и цвѣты; тамъ водопады, пропасти, пещеры и провалы; а здѣсь скалы по отвѣсу падающія, украшены пышною зеленью долинъ, изсѣчены зигзагами и обсажены клумбами ароматическихъ кустовъ. Словомъ, вы видите предъ собою очаровательное мѣсто, которое и теперь, когда еще деревья не разрослись, нравится взору и видомъ своимъ удивляетъ охотниковъ и знатоковъ въ садоводствѣ.

Двѣ скалы, голыя и безобразныя, служатъ теперь лучшимъ украшеніемъ сада, какъ бы ударомъ волшебнаго жезла сотвореннаго. Кривыя дорожки, выровненныя и украшенныя, непримѣтно и спокойно ведутъ на вершины, которыя одни серны прежде посѣщали. Покатости мѣстами покрыты

дернотъ, разнородными кустарниками и пересаженными съ поля цвѣтами. Подлѣ колесной дороги, ведущей къ Сабанѣевскому источнику, идетъ прямая крытая виноградная аллея. На ней построень Китайскій павильонъ, открытый со всѣхъ сторонъ, и заключающій въ себѣ *Михайловскій источникъ* *сѣрно-соленой* воды въ 33° теплоты, употребляемой только для питья. Посреди павильона устроень каменный колодезь, а подлѣ онаго изящной формы урна, для выливанія остающейся въ стаканахъ воды. По другую сторону треугольника насыпанъ прямой широкой бульваръ, обсаженный большими деревьями, взятыми изъ близъ лежащихъ лѣсовъ. Колесная дорога, идущая подлѣ сего бульвара, легкимъ скатомъ приводитъ къ *Елисаветинскому источнику* *кисло-сѣрной* воды въ 22° теплоты, кипящей какъ шампанское. Колодезь сего источника обложенъ камнемъ, но не покрытъ; подлѣ него двѣ вазы, изъ которыхъ выливаемая изъ стакановъ вода, чрезъ отверстія, на днахъ пробитыя, вытекаетъ въ землю. Подлѣ колодца въ небольшомъ домикѣ, помѣщена одна ванна для купанья и *галлерей* въ 32 аршина длиною, въ видѣ палатки, кругомъ обтянутой полотномъ; — въ ней больные прогуливаются во время питья воды, и особенно въ пасмурную при вѣтрѣ погоду.

Елисаветинская купальня и *галлерей* построены на высотѣ, совершенно голой, почти отвѣсной, къ подошвѣ которой подходитъ городской бульваръ; городъ подъ ногами. Скала сія состоитъ

изъ окрѣплаго туфштейна, который принимаетъ хорошую полировку. Камень этотъ происходитъ отъ осадки минеральной воды; скала, на которой находится Александровская купальня, состоитъ изъ такой же накипи. На крутомъ скатѣ главной высоты, на вершинѣ которой красуется павильонъ, высѣчены два *грома* съ скамейками внутри; входъ въ нихъ прикрытъ кустарниками и деревьями, такъ что, сидя въ гротѣ можно видѣть весь садъ и отдаленныя окрестности по дорогѣ къ Георгіевску. Елисаветинскій источникъ проникаетъ между обѣими гротами, — другіе побочные источники, какъ излишніе, употреблены для украшенія мѣста; всѣ они выложены камнемъ, и въ нѣкоторыхъ вода низвергается каскадами. Горная дорожка, обсаженная соснами, взятыми изъ Закубанскихъ лѣсовъ, высѣчена по крутому скату горы: ведетъ прямо къ госпиталю, а оттуда внизъ въ городъ.

Самымъ лучшимъ украшеніемъ сада, можетъ теперь назваться *Павильонъ*, посвященный *Эолу*. Онъ построенъ на скалѣ, высочайшей изъ трехъ; куполь его, поддерживаемый 8 колоннами, украшенъ флюгеромъ съ кругомъ, на которомъ назначены 32 вѣтра, направленіе коихъ указываетъ стрѣлка. Въ срединѣ сего воздушнаго павильона, открытаго всѣмъ вѣтрамъ, поставлена досчатая колонна, въ которой скрыты двѣ *Эоловы* арфы. Колонна можетъ оборачиваться на пьедесталѣ, а флюгеръ, прикрѣпленный къ колоннѣ, всегда при-

водитъ ее въ такое направленіе, что вѣтеръ прямо ударяетъ въ продольную скважину, продѣланную во всю высоту колонны, и пробѣгаетъ по струнамъ арфѣ; унылые звуки коихъ, въ части города ближайшей къ павильону, при легкомъ вѣтрѣ бываютъ слышны. Отсюда, весь городъ, садъ, Бештовыя горы, и кругомъ всѣ окрестности, ограниченные снѣговымъ хребтомъ, въ цѣпи котораго Эльборусъ и Казбекъ, воздымая превыше облаковъ сѣдыя главы свои, представляютъ чудесную перспективу.

На противулежащей скалѣ, къ югу отъ Эолова павильона, предполагено построить *павильонъ Эриванскій*, къ Востоку, *храмъ Эскулапа*. Теперь работы около Михайловскаго и Елисаветинскаго источниковъ окончаны, и будутъ продолжаться, пока обдѣлается все пространство до Сабанѣевскаго источника. Когда купальни и садъ по предполагаемому плану выстроятся и всѣ работы приведутся къ концу, то Пятигорскъ съ своими зданіями и садами, превзойдетъ красотою всѣ подобныя заведенія, при другихъ минеральныхъ водахъ въ Европѣ устроенныя.

При *Варваціевомъ* источникѣ находится красивый домикъ, построенный извѣстнымъ въ здѣшнемъ краю богачемъ, Грекомъ Варваціемъ, отличившемся подъ начальствомъ славнаго корсера Ламбро Качіони, служившаго подъ Россійскимъ флагомъ въ Архипелагѣ, по истребленіи Турецкаго флота подъ Чесъмою. Подлѣ Варваціевыхъ, находятся

такъ называемыя *Солдатскія купальни*, которыя, по ветхости зданія, покрытаго камышемъ, уже оставлены. Близъ сихъ ваннъ, кромѣ двухъ *проваловъ*, откуда вода проведена въ Варваціевы ванны, есть трещина, изъ коей минеральная вода въ 30° теплоты бьетъ ключемъ; но за неимѣніемъ при немъ строеній, безъ пользы падаетъ внизъ водопадомъ.

Далѣе *Калмыцкій источникъ*, въ 37° теплоты: надъ нимъ поставлена палатка, въ родѣ Калмыцкой кибитки, обитой холстомъ и сукномъ, съ зеленою крышею въ видѣ купола. Въ 16 шагахъ отъ сего источника въ 1824 году открылся новый источникъ въ 32° теплоты, съ большимъ количествомъ содержащейся въ немъ *угольной кислоты*. Онъ названъ по имени Генерала *Сабанжева*, перваго, который началъ употреблять оную воду.

За садовою оградой, на восточномъ боку Машука, находится преглубокій *проваль*, на днѣ коего кипитъ минеральная вода, покрытая сѣрнымъ напластомъ. Жерло провала не болѣе 20 сажень въ окружности, но внутри оно распространяется гораздо шире. Ноздреватые бока сего кратера, столь же черные какъ и при огнедышущихъ горахъ, представляютъ множество углубленій и пещеръ, гдѣ, не смотря на удушливый сѣрный газъ, живутъ и вьютъ гнѣзда ласточки, дикіе голуби и множество летучихъ мышей. Должно замѣтить, что здѣшнія сѣрныя горячія воды, особенно со-

держащія въ себѣ соль, всѣ домашнія животныя и водяныя птицы пьютъ съ жадностію и безъ вреда.

ОПИСАНІЕ КУПАЛЕНЪ.

Кавказскія минеральныя воды, находящіяся въ нынѣшнемъ Пятигорскомъ уѣздѣ, на пространствѣ 40 верстѣ, заключаютъ въ себѣ 7 главныхъ источниковъ, съ подраздѣленіями: 1. *Пятигорскіе горячіе и теплые сѣрные ключи*, коихъ, кромѣ побочныхъ, считается семь. 2. *Железные теплые и холодные*, числомъ до шестнадцати. 3. *Кислыя богатирскія воды (Нарзанъ)*. 4. *Бугунтскихъ щелочныхъ* двадцать пять. 5. *Кужогорскіе сѣрные*. Сверхъ того 6. *Соляныя озера* въ 4 верстахъ отъ Пятигорска; и 7. *Горькая рѣка*, на половинѣ дороги къ Георгіевску у Казачьяго Лысогорскаго поста. Изъ сихъ, первыя три употребляются, и въ великой славѣ находятся; послѣднія же два еще не испытаны.

Главный сѣрный горячій источникъ, упрочившій славу Кавказскихъ водъ, и привлекшій первыхъ поселенцевъ, названъ *Александровскимъ*. Отъ сего источника, находящагося на горѣ, противу городского бульвара, вода проведена посредствомъ трубъ къ *Ермоловской купальнѣ*; а отъ сей, внизъ къ подошвѣ горы, къ *Николаевскимъ*. Вода въ сихъ трехъ купальняхъ одна, но по мѣрѣ удаленія отъ

источка температура и газъ въ большомъ количествѣ въ ней содержащійся, измѣняются. Въ Александровской купальнѣ доходитъ до 38° , въ Ермоловской до 36° , а въ Николаевской до 34° теплоты.

Николаевская купальня можетъ служить образцемъ для всѣхъ такого рода зданій; въ ней съ пріятною наружностію, соединены всѣ выгоды хорошей купальни, какъ то: чистота, удобство и совершенная защита отъ вліянія вѣшняго воздуха. Главный фасадъ, обращенный къ сѣверу, состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ коихъ средній имѣетъ два этажа, съ тремя внизу дверьми. Первая, съ правой руки ведетъ чрезъ прихожую въ женскую половину: вторая по лѣвую, въ мужскую; позади средней двери идетъ лѣстница во второй этажъ, гдѣ находятся двѣ комнаты для банщиковъ. По длинѣ всего строенія, какъ въ дамскомъ, такъ и въ мужскомъ отдѣленіи, въ срединѣ зданія устроено по 7 ваннъ, а по обѣихъ стороны 14 комнатъ для раздѣванія, съ нужною мебелью; вдоль комнатъ идутъ корридоры, освѣщенные окнами, въ наружныхъ стѣнахъ вверху пробитыми. Окны въ комнатахъ и ваннахъ пробиты также на высотѣ $3\frac{1}{2}$ аршинъ отъ полу. Кромѣ боковыхъ оконъ, ванны освѣщены сверху фонаремъ подъ крышею устроеннымъ, и состоящимъ изъ двухъ щитовъ и двухъ оконъ пирамидально сложенныхъ, въ верху коихъ сдѣлано отверстіе съ покрывшкою, которую можно снизу

посредствомъ веревочки поднимать и опускать, для выпуска изъ купальни газа и испареній. Ванны высѣчены изъ известковаго зиптера, имѣютъ овальную форму, и опущены наровнѣ съ поломъ такъ, что для схода по сторонамъ сдѣланы по три ступеньки. Горячею и охлажденною минеральною водою, ванны наполняются чрезъ трубы съ двумя мѣдными кранами. Изъ ваннъ вода выпускается чрезъ отверстіе, пробитое на днѣ и закрывающееся свинцовою втулкою. Въ заднемъ фасадѣ средней части устроены двѣ обширныя дождевыя ванны. Позади купальни, при самой подошвѣ горы, сдѣланы три бассейна покрытыхъ сводами, средній для горячей, а крайнія, для охлажденной минеральной воды.

Въ сей Божіей лечебницѣ, больной, со всѣхъ сторонъ отъ фязознаго вѣтра защищенный, и чистымъ воздухомъ окруженный, исцѣляется постепенно и почти всегда вѣрно. Всякой разъ, выходя изъ ванны и чувствуя какое-то пріятное успокоеніе, я съ крестомъ и молитвою, желалъ добраго здоровья и долгихъ дней отцу-Государю НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, возведшему сіе богоугодное зданіе, которое, подобно неугасимой лампадѣ, многія лѣта, какъ жертва и какъ знакъ любви Его къ подданнымъ своимъ, будетъ теплится предъ образомъ Спасителя. Здѣсь не одна уже тысяча изъ подданныхъ его получили отъ тяжкихъ недуговъ облегченіе, или и совершенно отъ нихъ исцѣлялись. Сколько же въ послѣдствіи

времени, въ сей тѣнлицѣ, обремененныхъ немощами, изцѣлятся? Вотъ памятникъ достойный благости Царя.

Ермоловская купальня, поставлена на краю обрывистаго утеса, лицомъ къ городу, 5 саженьми выше Николаевской купальни, съ которою соединяется прекрасною, огражденною рѣшеткою лѣстницею, подъ ступенями коей положена закрытая труба для стока изъ главнаго Александровскаго ключа горячей воды, употребляемой въ Николаевскихъ ваннахъ. По бокамъ сей лѣстницы положены по наружному скату горы двѣ трубы, посредствомъ коихъ та же вода падаетъ въ бассейны Николаевскихъ купаленъ, гдѣ она охлаждается. Холодную сію воду предположено пустить по скалѣ водопадомъ, что составитъ прекрасный видъ. Ермоловскія купальни, названы по имени извѣстнаго патріотизмомъ Генерала, котораго подчиненные любили, а горскіе хищники боялись и уважали. Зданіе сіе выстроено изъ толстыхъ сосновыхъ брусевъ, покрыто желѣзомъ и по длиннымъ фасадамъ украшено 6 колоннами; въ немъ шесть ваннъ, на два отдѣленія съ особыми входами. Ванны высѣчены изъ известковаго камня съ двумя кранами для горячей и охлажденной воды. Каждое отдѣленіе имѣетъ комнату, въ которой больные ожидаютъ очереди. Здѣсь съ умиленіемъ смотрѣлъ я на костыли, повѣшенныя на стѣнѣ и оставленные выздоровѣвшими на память и въ знакъ благодарности. Всякой разъ, когда

глаза мои встрѣчали сихъ неложныхъ свидѣтелей цѣлебности водъ, я молилъ Бога, чтобы мнѣ стать хотя бы только на костыли.

Зданіе сіе еще довольно прочно и удобно расположено, жаль только, что въ разбитыя окна и широкія щели въ потолокъ, вѣтеръ имѣетъ свободное теченіе, и грозитъ простудою выходящимъ изъ ванны. На площадку, находящуюся позади купальни, въѣзжаютъ экипажи по серповидному шоссе удобно и легко. Шоссе сіе устроено иждивеніемъ Астраханскаго купца Федорова, который на построеніе Александровской купальни пожертвовалъ 60,000 рублей; но сію сумму истратили на одну дорогу, а на главное строеніе ее не достало. Строители, начавъ дѣло съ хвоста, конечно надѣялись, что добрый купецъ выложитъ изъ кармана еще съ сотню тысячъ; но онъ не догадался, другихъ добротныхъ дателей не нашлось, и дѣло осталось неначатымъ.

Александровскія купальни построены на второмъ уступѣ тойже горы, нѣсколько аршинъ выше и такъ сказать на крышѣ Ермоловскихъ; онѣ помѣщены въ трехъ ветхихъ зданіяхъ. Первое зданіе построено частію изъ дубовыхъ, частію изъ сосновыхъ бревенъ, крыто тесомъ, имѣетъ съ сѣверной и съ западной стороны узкую крытую галлерею, гдѣ ни отъ солнца, ни отъ дождя укрыться не возможно. Въ немъ помѣщены три ванны No. 1 и 2 для мужчинъ и No. 3 для дамъ. Подѣхавъ къ Ермоловскимъ купальнямъ, къ Алексан-

дровскимъ надобно подниматься по лѣстницѣ въ 32 ступени, въ горѣ высѣченныхъ. Взошедъ на лѣстницу, на небольшой площадкѣ утверждена скамейка, покрытая досчатымъ навѣсомъ, подъ коимъ больные на открытомъ воздухѣ должны ожидать очереди, — и не дождутся; ибо всѣ здоровые и мнимо-больные непремѣннымъ почитаютъ долгомъ получить въ семъ чудесномъ Александровскомъ ключѣ тошноту, обморокъ или ударъ въ голову. И я подъ симъ непышнымъ, патриархальныхъ временъ кровомъ, сидѣлъ часа по три и не скучалъ: отсюда видъ самый великолѣпный, какой только здѣшняа поэтическая природа представить можетъ. Весь городъ, чародѣйный Машукъ съ чернымъ крестомъ и бѣлою колонною, на маковкѣ его поставленными, садъ съ своими павильонами, трехрогая Бештовая гора, обширная равнина, по которой змѣится быстрый Подкумокъ, и лѣдистыя коническія вершины Эльборуса и Казбека, и длинный, снѣгомъ покрытый хребетъ, все какъ на блюдечкѣ. Обзоръ великъ, разстояніе до края горизонта, на коемъ стоитъ великорослый *Царь-гора* неимоვნѣрно, и видимое кажется оптическимъ обманомъ, фантасмагорическою шуткою. Другой предметъ, позади скромнаго сѣдалища находящійся, рождаетъ другое чувство не менѣе умильное. Въ скалѣ выдолблена пещерка, въ пещеркѣ кіотъ, въ кіотѣ икона Божіей матери всѣхъ скорбящихъ, которую поставила одна дама въ знакъ благодарности за изцѣленіе. Всякой разъ, когда я проходилъ — то есть, когда меня несли

мимо образа, я молился ему усердно, и никогда не забывалъ исполнить того, что такъ крѣпко лежало у меня на сердцѣ. Но вступя въ передбанникъ, и изъ него въ самую теплицу, чувство набожности смѣняется благоговѣйнымъ трепетомъ. Тамъ, въ облакѣ удушающаго сѣрнаго смрада, представляется Дантовъ адъ: геена, пекло и огненная струя передъ тобою; тамъ видишь повтореніе того чуда, когда по повелѣнію Божію, Моисей предъ глазами избраннаго народа, однимъ ударомъ жезла источилъ воду изъ камня.

Въ комнатѣ, въ которой раздѣваются, стѣны отъ испареній сѣрнаго газа почернѣли, мѣстами покрыты плесенью, двери отчасти сгнили и не притворяются, въ волоковыя окна и въ потолочный люкъ, обтянутый полусогнившею парусиною, и изъ щелей пола дуетъ на сквозъ. Къ довершенію картины, подлѣ стѣнъ поставлены три койки или лучше одра, также какъ и стѣны черныя и грязныя. Тепличная ванна высѣчена въ самой горѣ, изъ боковъ ея и со дна, также выше ванны изъ скалы сквозъ скважины, въ одну изъ коихъ вставлена *дудочка*, минеральная вода просѣкаетъ, течетъ сребристою струею, и скоро наполняетъ всю ванну, въ которую вмѣщается до 60 ведеръ. Вода прозрачна какъ кристалль, безъ колебанія на поверхности дрожить, какъ бы начинаетъ кипѣть. Не возможно опуститься въ нее вдругъ, ибо и при медленномъ погруженіи чувствуешь сильное сотрясеніе, подобное электрическому удару. При

малѣйшемъ же колебаніи вода жжетъ, почему должно сидѣть въ ваннѣ смирно, не шевелясь. Едва сядешь въ ванну, какъ газовые пузырьки покрываютъ все тѣло, кровь бросается въ голову, невольно начинаешь дрожать; по всему тѣлу, особенно по болящимъ частямъ, пробѣгаетъ острая, сильно беспокоящая боль, подобная обжогѣ, или боли, происходящей отъ втиранія крѣпкаго спирта. Такой операціи очевидно цѣлебной, дѣйствительной, больной болѣе 3 минутъ выдержать не можетъ, выздоравливающіе безъ вреда могутъ сидѣть 5 минутъ; здоровые 10; но есть богатыри, которые, слѣдуя коновальскому совѣту или по собственному побужденію, обливая голову холодною водою, (что къ удивленію моему не запрещается и больнымъ), выдерживаютъ такую добровольную муку до получаса, а иные даже по два раза въ день. Можно себѣ представить, какіе случаются послѣдствія, отъ столь отчаяннаго способа леченія, когда и самое умѣренное употребленіе сихъ жгущихъ ваннъ производитъ тоску, жажду, головокруженіе и обмороки; а избыточный потъ, крупными каплями исходящій изъ поровъ, и по выходѣ изъ ванны не прежде начинаетъ уменьшаться, какъ по истеченіи 20 минутъ и получаса.

Инвалиды при ваннахъ служащіе, дѣлаютъ небольшіе деревянные кресты съ подножниками, ставятъ ихъ подъ текущую изъ дудочки воду, и чрезъ двѣ недѣли вся поверхность дерева покры-

вается осадкою, и деревянные кресты превращаются въ каменные. Всѣ посѣтителѣ на память покупаютъ сіи кресты, и также запасся однимъ, которому буду молиться въ воспоминаніе великаго облегченія отъ тяжкаго недуга, которымъ Богъ по милосердію своему испытуетъ меня какъ Іова. Ванны No. 2 и 3 также высѣчены въ туфштейнѣ, но вода въ нихъ проведена посредствомъ деревянной трубы.

Рубленый домикъ, тесомъ покрытый, въ которомъ помѣщается ванна No. 4, находится позади описаннаго строенія, но нѣсколько ступеней выше въ гору и ближе къ источнику. Ванна высѣчена также въ скалѣ, источающей минеральную воду изъ одной только скважины; почему проведена въ нее вода чрезъ деревянную трубу. Въ ваннѣ сей купаются больные солдаты, приходящіе изъ госпиталя, находящагося на вершинѣ горы, въ нѣсколько шагахъ отъ оной. Аршина на два ниже купальни No. 4 и позади No. 1, построены сарай, покрытый лубками; двѣ стѣны онаго сбиты изъ досокъ, а двѣ сложены изъ камня. Въ семъ сараѣ, называемомъ *Солдатскою купальнею*, выкопана въ горѣ большая ванна No. 5, въ которой могутъ помѣститься 15 человекъ. Въ этомъ же бассейнѣ купаются слуги пріѣзжихъ, и всѣ городскіе жители низшаго сословія.

Главный горячій сѣрный Александровскій источникъ находится двумя саженьми ниже госпиталя и на высотѣ 34 сажень отъ поверхности

воды въ Подкумкѣ. Ключъ сей съ великимъ стремленіемъ выходитъ изъ трещины переломившихся плитъ туфштейна и известняка, и въ великомъ количествѣ (76,860 ведръ въ сутки) стекаетъ въ бассейнъ, высѣченный въ горѣ и покрытый дощатою кровлею. Изъ бассейна сокрытыми трубами, вода проведена во всѣ ванны, (исключая No. 1.) Александровскихъ, Ермоловскихъ и Николаевскихъ купаленъ. Остающаяся въ излишествѣ вода отъ сихъ купаленъ, пущена внизъ по горѣ, и эта драгоценность терится безъ употребленія.

Елисаветинская купальня находится въ саду и помѣщена въ ветхомъ домикѣ, сколоченномъ изъ досокъ вертикально поставленныхъ и снаружи оштукатуренныхъ, въ немъ одна ванна съ двумя по бокамъ комнатками для раздѣванья. Преползый сей источникъ, отъ смѣшенія съ посторонними ключами нынѣшнею весною потерялъ свое качество, и не прежде возвратилъ оное, какъ въ Іюль мѣсяцѣ. *Кисло-српная* вода сего источника, имѣя слабительное свойство Михайловскаго ключа, разрушаетъ завалы, укрѣпляетъ нервы, живитъ тѣло и, будучи настоящимъ врагомъ аптечныхъ ядовъ, почитается одною изъ полезнѣйшихъ для внутренняго и внѣшняго употребленія.

Варвациева купальня помѣщается въ деревянномъ, крытомъ желѣзомъ домикѣ, украшенномъ съ сѣвернаго фасада галлереею съ колоннами. Домикъ раздѣленъ на два отдѣленія, въ каждомъ по двѣ комнаты; одна назначена для отдохновенія

больныхъ, въ другой помѣщена ванна. Ванны сія наполняются водою изъ двухъ проваловъ, изъ коихъ одна имѣетъ 23°, другая 34° теплоты, она *скрнаго* свойства и употребляется только для ваннъ. По умѣренной теплотѣ сихъ источниковъ, они употребляются для постепеннаго перехода къ горячимъ Александровскимъ ключамъ. Неудобство сей купальни состоитъ также въ сквозномъ вѣтрѣ, и неимѣніи при оной водохранилищъ для охлажденія воды.

Калмыцкая купальня помѣщена, какъ уже сказано, въ холстинной палаткѣ, построена для Азіатцевъ, здѣшнихъ коренныхъ жителей, которые еще менѣе нежели наши солдаты причудливы; а потому при ней нѣтъ никакого устройства. Ключъ минеральной воды *скрнаго* состава въ 37° вырывается изъ подъ плитъ туфштейна, по открытой трещинѣ проходить въ двѣ деревянные ванны, а изъ оныхъ стремится по скату горы ручьемъ. Сія вода также употребляется для постепеннаго перехода въ Александровскія ванны.

Сабаньевскія купальни помѣщены во временимъ зданіи по той причинѣ, что источникъ сей, также какъ и Калмыцкой, не всегда постоянны, температура ихъ измѣняется по временамъ года; иногда въ нихъ не достаетъ воды, иногда прибываетъ ее съ избыткомъ: въ 1822 и 1823 годахъ Калмыцкой источникъ былъ почти безводенъ, а въ 1824 явился близъ онаго Сабаньевской источникъ. Нынѣшній (1832) годъ сей ключъ былъ

преизобильной, вода въ самыхъ ваннахъ восходила до $32\frac{1}{2}$, а въ источникѣ до 34° и содержала въ себѣ множество газа. Въ 1830 году вмѣсто бывшей при семь источникѣ Кадыцкой кибитки поставлено настоящее зданіе съ 4 ваннами на двѣ половины; снаружи обито оно досками, внутри сукномъ, крыша обтянута парусиною. Вдоль строенія, съ сѣверной стороны, идетъ освѣщенная окнами галлерей, гдѣ больные, не избавляясь отъ дождя, легко пробивающаго холстинную крышу, могутъ ожидать очереди для купанья. Въ семь 1832 году Генеральша Раевская построила на свой счетъ досчаной домикъ съ ванною, такъ что при Сабанѣевскомъ источникѣ, имѣется теперь три ванны для дамъ и двѣ для мужчинъ.

Сабанѣевская вода не давить груди, и не препятствуетъ дыханію, какъ другіе здѣшніе горячіе сѣрные ключи, почему въ нихъ и сидѣть можно долѣе. Опытъ показалъ, что они чрезвычайно мягчатъ кожу и слабо-нервнымъ много помогаютъ. Сія качества привлекаютъ сюда многихъ посѣтителей, по той наиболѣе причинѣ, что дамы косметическую воду сію предпочитаютъ всѣмъ другимъ. О женщины, вы нигдѣ не теряете своихъ правъ, нигдѣ не забываете о своихъ нарядахъ и о умягченіи кожи, вы всегда и вездѣ одинаковы.

Изъ сего описанія купаленъ читатель можетъ видѣть, что кромѣ Николаевскихъ и отчасти Ермоловскихъ, устройство прочихъ весьма не совершенно; ибо онѣ помѣщаются въ вѣтхихъ дыря-

выхъ зданіяхъ, временныхъ сараихъ и налаткахъ, въ коихъ отъ сквознаго вѣтра и дождя укрыться не возможно. Самое большое неудобство состоитъ въ томъ, что при всѣхъ сихъ купальняхъ нѣтъ водохранилищъ для охлажденія воды, какіе построены для Николаевскихъ и Ермоловскихъ ваннъ; а той воды, которая для разводныхъ ваннъ охлаждается въ чанахъ, весьма недостаточно. Для 600 благородныхъ особъ, пріѣхавшихъ на воды, 32-хъ ваннъ, находящихся во всѣхъ здѣшнихъ купальняхъ, столь мало, что позже другихъ пришедшимъ приходится ожидать своей очереди по 5, по 6, и по 7 часовъ сряду, бывъ во все это время на открытомъ воздухѣ. Неудобства сія, вскорѣ, какъ обѣщаютъ, будутъ отвращены; уже планы и смѣты сдѣланы, деньги отпущены, и къ построенію Александровскихъ купаленъ, самыхъ нужныхъ и лучшихъ изъ Пятигорскихъ водъ, какъ надѣются, скоро приступлено будетъ. Нельзя однакожъ не замѣтить, что и здѣсь, какъ при строеніи серповиднаго шоссе наружность, предпочтена всему иному, а пріятное необходимому. Въмѣсто того, чтобы украшать мѣсто и привлекать взоры посѣтителей прелестію садовъ, бульваровъ, великолѣпныхъ павильоновъ, гротовъ и тому подобнаго, безъ которыхъ, пока, очень можно было бы обойтись, гораздо было бы полезнѣе и для жителей и для пріѣзжающихъ, построить двѣ, три купальни, хотя нѣсколько похожихъ на Николаевскую.

Цѣлебность водъ и принятый способъ леченія оними.

Благодѣтельный *Машукъ*, на пространствѣ не болѣе полуторы версты, заключаетъ въ утробѣ своей природную лабораторію, отъ созданія міра непрерывно производящую минеральную воду сѣрнаго свойства, но различной теплоты и состава. Едва ли на земномъ шарѣ есть другое мѣсто, гдѣ бы на столь маломъ пространствѣ, было такое множество минеральныхъ ключей; и едва ли можно отыскать такую аптеку, гдѣ бы болѣе приготавлилось микстуръ, помогающихъ отъ великаго множества болѣзней. Определительно сказать можно, что цѣлебность минеральныхъ водъ, во столько разъ превосходитъ всѣ аптечныя лекарства, во сколько Всемогушій Творецъ превосходитъ мудростію своею, всѣхъ нашихъ Эскулаповъ вѣсть взятыхъ. Между искусственными и естественными минеральными водами, по моему, существуетъ та же разница, что между картиною, и тѣмъ предметомъ, которой живописецъ старался изобразить. Говоря о преимуществѣ естественныхъ водъ предъ искусственными, мы не отвергнемъ однакожь полезности послѣднихъ; ибо искусственная вода, не смотря на несовершенство ее, безъ сомнѣнія, должна помогать точно также, какъ и всякое аптечное лекарство, въ цѣлебности коихъ, благодаря просвѣщенію, никто уже не сомнѣвается. Усовершенствованіе Химіи и вообще Медицинскихъ наукъ, еще и донынѣ недостаточно къ

тому, чтобы посредствомъ ихъ, возможно было съ точностію опредѣлить, и измѣрить всѣ составныя части, содержащіяся въ минеральной водѣ. Если бы подобныя исчисленія были и математически вѣрны, то и тогда не достигли бы цѣли; ибо опытомъ дознано, что чудесная цѣлебность всѣхъ минеральныхъ водъ зависитъ не отъ составныхъ ея частей, а отъ искуснаго способа приготовленія, неизвѣстнаго, необъяснимаго, котораго по сей единственно причинѣ, ни понять, ни растолковать никто еще не могъ.

Сіе *нѣчто* таинственное, не подлежащее человѣческому разуму, Медицинскіе мудрецы называли *жизненнымъ началомъ*, то есть такимъ началомъ, въ которомъ непостижимая цѣлебность минеральныхъ водъ хранится, скрываясь въ немъ отъ ума и взоровъ нашихъ. Быть можетъ еще на-долго, а вѣроятнѣе и навсегда, сія *тайна* останется для насъ неразгаданною: здѣсь, по видимому, поставленъ межевой столбъ для означенія границъ человѣческихъ познаній; — одинъ шагъ далѣе за черту сію, и все кажется тамъ темнымъ, волшебнымъ, уму и зрѣнію непостижимымъ. По сую сторону предѣла, положеннаго человѣческому разуму, очевиднымъ остаѣтся одно, что какъ невозможно разсмотрѣть устройство сихъ огромныхъ подземныхъ лабораторій, то столь же трудно съ пособіемъ всѣхъ наукъ и знаній, взвѣсить и познать свойства столь великихъ массъ и средствъ, находящихся въ рас-

поряженіи природы, или лучше невидимаго, но познаваемаго Бога. Волящему надобно перекрестившись, подумать, *къмъ? и гдѣ?* готовится для него цѣлебное лекарство.

Пятигорскія горячія воды, съ незапамятныхъ временъ первобытными обитателями здѣшняго края съ пользою употреблялись. Черкесы, также какъ и у насъ въ сказкахъ о нихъ упоминается, называли ихъ: *мертвою, живою и богатырскою* водами. Дѣйствительно для всякихъ *сърныхъ, желѣзныхъ и кислыхъ* водъ, нѣтъ приличнѣйшаго и болѣе близкаго названія: ибо употребленіе *сърныхъ*, больного сначала разслабляетъ, *мертвитъ*; потомъ посредствомъ испарины, выгоняетъ наружу долго таившіеся въ тѣлѣ испорченные соки; и такимъ образомъ уничтожаетъ, вырываетъ съ корнемъ самыя упорныя и опасныя болѣзни, надъ которыми всѣ препараты Латинской кухни оказались не дѣйствительными. Желѣзныя воды, собственно могутъ быть полезны въ другихъ родахъ болѣзней, совершенно противнаго леченія требующихъ. Они посредствомъ всасыванія воды чрезъ поры, тѣло укрѣпляютъ, *живятъ* челоуѣка; кислыя наконецъ, справедливо называются Черкесами *Нарзаномъ*, то есть, богатырскою водою, ибо вода сія сообщаетъ тѣлу и нервамъ, удивительную *богатырскую силу*, и почитается самымъ дѣятельнымъ укрѣпляющимъ лекарствомъ, съ коимъ никакое аптечное *конфортантъ* сравниться не можетъ. Здѣсь-то старики молодѣютъ, а безплодные

возвращаютъ способность, данную имъ отъ природы.

Сіи столь отличительныя и совершенно противоположныя качества трехъ водъ прямо показываютъ, какъ должно употреблять воды; и каждому неразумяющему Медицины яснымъ должно быть, что надобно лечиться какою-либо одною изъ сихъ водъ, наиболее свойственной и приличной болѣзни. Всѣ ученые Медики, начиная отъ Гуфеланда до Савенко, писавшіе о пользованіи минеральными водами, согласно подтверждаютъ сіе правило; но здѣшніи Гг. Доктора лечатъ не такъ какъ правила велятъ, а такъ какъ угодно ихъ больнымъ. Они всѣхъ своихъ паціентовъ, чѣмъ бы они ни страдали, какія бы болѣзни не привезли съ собою, безъ различія лечатъ всѣми въ окрестностяхъ Пятигорска находящимися водами, то есть, *мертвою, живою и богатырскою*.

Обыкновенно, пріѣхавшаго сажаютъ, смотря по показанію его болѣзни, въ одну изъ ваннъ сѣрныхъ Пятигорскихъ источниковъ, и переводя его изъ купальни въ купальню, постепенно приучаютъ тѣло его отъ 28 до 38° № 1 Александровскаго ключа. Потомъ перевозятъ страдальца въ *Жельзноводскъ*: тамъ начиная теплыми, кончаютъ холодными; и наконецъ, въ *Кисловодскъ* погружаютъ его въ кипячій *ѣдкій нарзанъ* въ 10 только градусовъ выше точки замерзанія. Такое леченіе много походитъ на Рускую баню: съ полка,

на которомъ отъ жару волосы на головѣ трещать, да зимнею порою въ прорубь; съ тою только разницею, что Русской мужичокъ по инстинкту самохраненія, изъ проруби для закалки своего желѣзнаго тѣла, снова лезетъ на подокъ, гдѣ безъ милосердія съчетъ себя вѣнникомъ, треть тѣло рѣдкою, спиртами. Здѣсь же разумные люди, разслабленное тѣло изъ ванны № 1 Александровскаго ключа, бросаютъ въ богатырскую водицу; — и отираваютъ его въ Россію, съ новою не бываюю болѣзнію, или, сокращая путь, относятъ прямо на погостъ.

И столь рѣшительное *умерщвление* не устрашаетъ ни кого; всѣ больные, какъ на поле битвы стараются отличиться храбростію, каждый ищетъ своей пули: или славно и счастливо выздоравливаютъ, или ложатся въ могилу. Всѣ посѣтители, по какому-то убѣжденію и большею частію своею волею и охотою, слѣдуя примѣру другихъ, или лучше, покоряясь самонравной модѣ, не отвергаютъ столь превратнаго способа леченія, и какъ бы увлекаемые быстротою теченія, всѣ почти безъ исключенія стремятся отъ однихъ къ другимъ водамъ.

Метода здѣшнихъ Медиковъ одинакова: они подвергаютъ тѣла больныхъ своимъ дѣйствию всѣхъ водъ по порядку, и сыскавъ приличнѣйшую для рода болѣзни, тѣмъ не менѣе отпускаютъ ихъ для укрѣпленія на желѣзныя и кислыя воды. Такимъ образомъ надъ чужимъ тѣломъ учатся, приобретаютъ опытность, а за ошибки, неминуемыя при

такой пробѣ водѣ, больные платятъ своимъ здоровьемъ. Многіе жалуются на дурныя послѣдствія; но всѣ одинъ за другимъ дѣлаютъ то же, и то же, и отъѣзжая, проклинаютъ и воды и всѣхъ Докторовъ на свѣтѣ! Словомъ здѣсь лечатъ и лечатся такъ, что изцѣляются или получаютъ облегченіе, только случайно; и точно также здѣсь можно выздороветь, какъ на дорогѣ избѣжать хищниковъ, не бывъ ими ограбленъ или убитъ.

Многимъ сомнительнымъ можетъ показаться, чтобы образъ леченія, столь противный теоріи Врачебной науки, дѣйствительно былъ употребляемъ. Но я сказалъ, что знаю, что видѣлъ своими глазами, сказалъ сущую правду; и скажу еще другую. Правда, что нѣкоторые посредствомъ сего способа леченія отправляются на тотъ свѣтъ, въ чемъ лекарямъ помогаютъ сами больные; но какъ догвременный опытъ удостовѣрилъ ихъ, что если одна вода повредитъ бѣлизнѣ, то другая немедленно изцѣляетъ ее; и притомъ какъ цѣлебность Пятигорскихъ водъ имѣетъ то особенное качество, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не дѣлаютъ много вреда, а всегда много помогаютъ, то по симъ конечно причинамъ Лекаря не боятся и смѣло предлагаютъ больнымъ, послѣ сѣрныхъ водъ подкрѣпиться желѣзными и кислыми. Хотя сіе дѣлается болѣе для пріятнаго препровожденія времени, нежели для пользы; но общій результатъ показываетъ, что изъ числа больныхъ, безъ пособія лекарствъ, даже безъ совѣта и руковод-

ства Медиковъ пользующихся минеральными водами; наибольшая часть получаютъ облегченіе или выздоравливаютъ, а наименьшее число умираетъ или возвращается съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхали.

Если читатель припомнить, что сказано выше о *жизненно́мъ началѣ*, то тайна объяснится и сдѣлается очевидною. Сіа таинственная причина, не смотря на превратный способъ леченія, не смотря на неопытность пріѣзжающихъ на воды Гг. Докторовъ; не смотря даже на злоупотребленіе, допускаемое при пользованіи ваннами и питьѣ воды въ чрезмѣрно излишнемъ количествѣ; не соблюденіи діеты и порядка въ образѣ жизни и занятій, хотя случайно, но помогаетъ *чудеснымъ* образомъ, излечиваетъ самыхъ безнадежныхъ, съ корнемъ вырываетъ изъ тѣла упорнѣйшія болѣзни, не оставляя отъ прежнихъ немощей и малѣйшей примѣты. Извѣстно, что при цѣленіи аптечными лекарствами, иногда лекарства сіи производятъ новыя болѣзни; по изцѣленіи же минеральными водами, огромное количество разнородныхъ ядовъ, въ оныхъ переваренныхъ, не оставляютъ въ тѣлѣ никакихъ по себѣ слѣдовъ. Тутъ явно видна рука *Величайшаго* изъ художниковъ: Пятигорскъ уже называлъ и *Божіею лебедицею*, и столько вѣрую въ цѣлебность минеральныхъ водъ, сколько увѣренъ, что одни воды могутъ вдругъ избавить всякаго недугующаго, какъ отъ неопытности или ошибокъ Медицинскихъ нашихъ мудрецовъ; такъ равно и отъ собственнаго незнанія, или небрежности.

Хотя цѣлебность Пятигорскихъ водъ не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, но слава ихъ, къ сожалѣнію, затмѣвается самоучками лекарями, которые сами себя лечатъ, или, переходя изъ рукъ въ руки неопытныхъ докторовъ, стараются склонить другихъ къ нелѣпымъ своимъ идеямъ и понятіямъ, и согласивъ, вредятъ себѣ и другимъ, убѣждая малодушныхъ слѣдовать своему примѣру. Къ сожалѣнію, также должно замѣтить, что довѣренность къ цѣлебности водъ превышаетъ самое суевѣріе: вообще всѣ спѣшатъ пользоваться ими безъ мѣры и безъ счета; и не смотря на дождь и холодный вѣтеръ, спѣшатъ пить воду и брать ванны, полагая въ большемъ количествѣ и числѣ оныхъ, найти свое спасеніе. Многіе изъ числа моихъ знакомыхъ похвалялись, что они въ Александровскихъ ваннахъ въ 38° жара, по два раза въ день высиживали по получасу, и притомъ изъ Михайловскаго источника, самаго сильнаго слабительнаго, выпивали по 30 и болѣе стакановъ въ день. Не думаю, что бы какой нибудь шарлатанъ осмѣлился предписать имъ сіе; ибо такимъ отчаяннымъ способомъ леченія, можно разстроить самаго здороваго человѣка, что къ несчастію и случалось.

Такихъ самоучекъ врачей по два и по три изъ самыхъ храбрыхъ и торопливыхъ каждый годъ относить на кладбище. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, привыкшій къ самовластию и командованію, забывъ, что по болѣзни своей онъ могъ еще назваться *человѣкомъ*

Божишь, не слушая ни чьихъ совѣтовъ, убилъ себя Александровскою водицею. Онъ привезъ съ собою молодого лекаря, который, изъ подчиненности, не смѣлъ, а по настойчивости грознаго командира, не могъ воспротивиться его своевластию. Каждый день больной кричалъ, сердился какъ предъ фронтомъ, бранился съ людьми, угрожалъ лекарю, который съ досады уходилъ со двора. Однажды нашъ храбрецъ, просидѣвъ по обыкновенію своему въ неразводной ваннѣ въ 38° температуры до 20 минутъ, вздумалъ кромѣ холодной воды, поливаемой на голову, вылить стакана два рѣчной воды со льдомъ; и — весь Пятигорскій факультетъ, призванный на совѣтъ, не могъ спасти его. Другой молодой офицеръ, съ прострѣленною и сведенною рукою, слѣдуя совѣту доброжелателей и медицинскихъ книгъ, не почелъ нужнымъ посоветоваться съ лекаремъ, и начавъ Сабанѣевскими, а кончивъ Ермоловскими, самъ себя вылилъ въ шесть недѣль. По обычаю отправился онъ на желѣзныя воды, тамъ простудился, возвратился въ Пятигорскъ, гдѣ пять, шесть Николаевскихъ ваннъ поставили его на ноги. Онъ снова поѣхалъ въ Желѣзноводскъ, и возвратился съ флюсомъ и сведенною рукою. Еще разъ Ермоловскія купальни изцѣлили его, но онъ снова переѣхалъ къ желѣзнымъ источникамъ, которые на сей разъ не сдѣлали ему вреда; пустился далѣе, — и, Нарзанъ согнулъ его въ три погибели, чуть не задавилъ его. Въ третій разъ привезли его въ Пятигорскъ съ открытымъ ртомъ, въ лихорадкѣ и съ сведен-

ными руками и ногами; — и, къ удивленію, послѣ 15 Александровскихъ ваннъ, храбрый офицеръ отправился въ полкъ, какъ ни въ чѣмъ не бывалъ.

Въ продолженіе перваго курса, я почти не чувствовалъ дѣйствія воды; тѣ же воды, при началѣ втораго курса, оказали свою цѣлебность въ самой высокой степени. Не торопясь, съ отдыхомъ, вынужденнымъ дождливою и холодною погодою, а паче сильнымъ дѣйствіемъ выпиваемой воды, я взялъ 20 Сабанѣевскихъ, 36 Николаевскихъ, 10 Ермоловскихъ и 15 Александровскихъ, всего 81 ванну. Михайловскую воду мнѣ предписано было пить, начавъ съ одного стакана, и каждый день прибавлять по одному. Едва достигнувъ я шести стакановъ по утру и трехъ послѣ обѣда какъ водица вымыла мнѣ желудокъ на чисто; причѣмъ я не чувствовалъ никакой слабости, напротивъ голова была свѣжа и я сталъ ѣсть за трехъ. Надобно замѣтить, что наблюдаемая здѣсь діета весьма умѣренная и гораздо милостивѣе Нѣмецкой: кромѣ плодовъ, всего сыраго, кислаго, соленого, горячительнаго, все позволено, и рюмки двѣ некрѣпкаго вина за столомъ не запрещается. Моя порція воды ограничилась шестью стаканами по утру и тремя послѣ обѣда; ванны бралъ по двѣ въ день, а чрезъ три дня одну; по воскресеньямъ и въ дурную вѣтренную погоду отдыхъ. Эта умѣренность, и, по сравненію съ другими, небольшое количество выпиваемой воды, подобно Овидіевымъ превращеніямъ, превратило

меня въ фонтанъ, источающій самую чистую прозрачную воду. Какъ вдругъ фонтанъ засыхъ, очищеніе прекратилось, и никакія аптечныя средства не могли возстановить порядка въ отравленіяхъ. Три дня не переводя голоса, я ревѣлъ какъ бѣлуга, другой страдалецъ, жившій со мною въ одномъ домѣ, вторилъ мнѣ густымъ медвѣжьимъ басомъ; мнѣ терли животъ какимъ-то спиртомъ, согрѣвали его салфетками, сажали въ Николаевскія ванны, каждый часъ ставили промывательныя, давали сильныя приемы ревеню, Глауберовой соли, Александрійскаго листа; — но ничто не помогало. Наконецъ, въ третьи сутки ложка кастороваго масла подѣйствовала; я уснулъ, проспалъ сряду часовъ двѣнадцать, и всталъ какъ послѣ болѣзни, отъ морской качки происходящей, не чувствуя никакой боли, никакого утомленія. Тотъ же пароксизмъ, но не столь мучительный и съ перемѣжками продолжался сутки; и не смотря на то, что я уже нѣсколько дней воды не пилъ, третій припадокъ и переломъ болѣзни кончился чрезъ 6 часовъ, и мой упрямый геморойъ, 14 лѣтъ закрытый, лопнулъ, открылся. Могучая сила минеральной воды Михайловскаго источника сѣрно-соленого состава, можно сказать, какъ руками вырвала изъ желудка моего все злое, постороннее, и выпустила его такъ, что ни одного червяка конечно тамъ не осталось.

Послѣ сей жестокой и искусной операціи, о которой безъ страха и благодарности вспомнить не мо-

гу, два остальныхъ мѣсяца курса, выпивая каждый день только по три стакана по утру и по два послѣ обѣда, и то половину изъ Михайловскаго, а другую изъ Елисаветинскаго сѣрно-кислаго колодца, менѣе сильнаго, очищеніе продолжалось и по отъѣздѣ изъ Пятигорска далѣе шести мѣсяцевъ, почти съ равною дѣятельностію и безъ малѣйшей боли, кромѣ великаго безпокойства, особенно въ дорогѣ. Благодѣтельные послѣдствія чудесной цѣлебности водъ, оказались тотчасъ послѣ первой операціи: апетитъ мой увеличился, всѣ члены получили гибкость, кожа мягкость, тѣло начало пополняться; но я снова оглохъ, что продолжалось однако не долго. Вскорѣ примѣтно укрѣпившись въ силахъ, безъ большой боли и безъ нарыва въ ухѣ, опять сталъ слышать лучше прежняго. Завѣса, какъ туманъ застилавшая глаза мои, пала, шумъ въ головѣ умолкъ, и снова ожилъ и благодаря за то Бога, не смѣлъ роптать, что вода не могла поставить меня на ноги. Къ крайнему моему сожалѣнію, я отправился изъ Пятигорска хотя совершенно изцѣленнымъ, но съ притупленнымъ обоняніемъ и безъ ногъ: сухія подкожные жилы, остались въ томъ же сведенномъ положеніи, — и кажется, на всегда.

Не зная Медицины, не буду говорить, въ какихъ болѣзняхъ, какія надлежитъ употреблять воды; ибо не хочу подражать многимъ здѣшнимъ *знахарямъ*, которые, прочитавши какую нибудь медицинскую книгу и въ половину ее не поняв-

ши, воображаютъ, что имъ уже всѣ источники хорошо извѣстны, и что они не хуже лекаря могутъ назначить употребленіе всякихъ водъ. Бѣда тому, кто послушаетъ сихъ совѣтодателей: не должно вѣрить имъ на слово, а употреблять воду съ крайнею осторожностію, и не иначе какъ по совѣту врача, долговременною практикою познавшаго свойства здѣшнихъ источниковъ. Самый искусный отсутствующій докторъ не можетъ съ точностію опредѣлить своему больному, какія воды наиболѣе ему приличны; тѣмъ менѣе можетъ онъ дать ему полное наставленіе, какъ употреблять ихъ отъ начала до конца курса; ибо въ леченіи водами практика составляетъ главное, а теорія побочное средство. Не должно также вѣрить и тѣмъ ученымъ врачамъ, которые въ первый разъ пріѣхавши на воды, предлагаютъ свои услуги больнымъ.

Наконецъ, все то, что можетъ быть полезно для больныхъ, заключается въ немногихъ правилахъ: во первыхъ, дабы не подвергнуть тѣло свое *пыткѣ*, неопытными лекарями употребляемой, должно повѣрить себя доктору болѣе при водахъ служившему, вручить ему исторію своей болѣзни; впрочемъ, кого бы вы ни избрали, должно предписанія его исполнять въ точности, не перемѣнять его какъ часового; и въ заключеніе все упованіе возложить на провидѣніе. Минеральныя воды, какъ сильное и превосходнѣйшее лекарство, приготовляемое Самимъ Богомъ, должно употреблять съ вѣ-

рою и надеждою, оставить всѣ мірскія заботы, не утруждать себя ни леченіемъ и никакими другими занятіями, стараться сколько возможно сохранять веселость и свободу духа; ибо опыты показали, что всѣ люди жнтельные, малодушныя, сердитые и особенно иппохондрики, возвращались съ водъ въ худшемъ состояніи, нежели въ какомъ пріѣхали въ Пятигорскъ. Напротивъ тѣ, которые лечились не торопясь, съ довѣренностію и терпѣніемъ, всѣ вообще получили облегченіе. Безпечность, пріятное препровожденіе времени, горное мѣстоположеніе, весьма способствующее здоровью слабыхъ грудью, хорошая погода, и самый воздухъ, наитанный кислородомъ, съ которымъ, такъ сказать, и старики молодѣютъ, помогаютъ здѣсь болѣе, нежели что иное.

ВРЕМЯ ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ.

На всѣ Европейскія минеральныя воды ѣздятъ для пріятнаго препровожденія времени; тамъ въ числѣ посѣтителей больныхъ менѣе половины: здѣсь напротивъ, исключая небольшое число служащихъ офицеровъ и мнимо-больныхъ, всѣ прочіе, въ проѣздѣ на длинномъ пути, претерпѣвая всякаго рода неудобства, и даже подвергая жизнь свою опасности, пріѣзжаютъ въ Пятигорскъ не для удовольствія, и свѣтскихъ разсѣяній; но для леченія. Сюда даже странствующие труппы актеровъ, и ямарочные картежные игроки не довѣ-

жають; пѣрвые, конечно потому, что не умѣють умирать, какъ только въ трагедіи на сценѣ; а послѣдніе, безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что привыкли выигрывать на-вѣрное, не хотятъ при встрѣчѣ съ Черкесами, проиграть на-вѣрное. Здѣсь больные, (съ небольшимъ исключеніемъ) живутъ какъ больные, наблюдаютъ діету и въ точности исполняютъ предписаніе медиковъ. Нынѣшній курсъ (1832 года) былъ не весьма удаченъ; туманы, вѣтры, пасмурная погода и дожди отняли почти половину времени. Холодъ былъ столь великъ, что въ концѣ Мая въ полдень было только $6\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла.

Посѣтителей наѣхало сюда множество, такъ что Питигорскъ походилъ на улей, въ которомъ пчелы отъ утра до вечера работали прилежно. Обыкновенно съ 4 часовъ утра начинается движеніе и продолжается до 2 часовъ по полудни, а потомъ отъ 4 до 10 часовъ вечера снова таже бѣготня; такъ, что весь день проходитъ въ питьѣ воды, купаньѣ, завтракѣ, отдохновеніи, обѣдѣ и ужинѣ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что люди роскошныя, богатые и не скупые, граждане Московскаго Англійскаго клуба, и здѣсь не отказываются отъ виста и Шампанскаго.

Въ нынѣшнемъ году, вода Елисаветинскаго источника, отъ примѣси къ нему побочныхъ ключей, потеряла свою силу, и потому всѣ больные пили воду изъ Сабанѣвскаго колодца. Тутъ, на небольшой площадкѣ смѣшеніе дамъ и кавалеровъ

въ толпѣ преходиней, и въ жвѣтъ и видѣ своемъ измѣняющейся безпрестанно, представляетъ нѣчто необыкновенное, занимательное, пріятное. Тутъ неожиданно встрѣчаются друзья, пріятели, сослуживцы; сюда изъ разныхъ концовъ обширной Россіи съѣзжаются гости незванные, и входя въ общую сію гостиную, остаются почти цѣлый день на открытомъ воздухѣ; и проводятъ время безъ удовольствія и безъ скуки.

Хотя знакомятся здѣсь легко, но обращеніе вообще какъ-то холодно; свѣтское приличіе и высокая скромность нашихъ дамъ въ публичѣ, мертвитъ общій разговоръ; и не смотря на то, что здѣсь большая часть особъ принадлежать къ высшему сословію, въ сифшенномъ нашемъ обществѣ, мало еще свободы въ обращеніи. Дамы, не обращая по видимому никакого вниманія на своихъ подругъ, и замѣчая только, какъ которая одѣта, съ важностію принимаютъ услугу кавалеровъ; и не сказавши ни слова съ своею сосѣдкою — уже враждуютъ взорами. Мушкетеры раздѣляются: — каждый ищетъ разговора въ своемъ кругу, каждый услуживаетъ своимъ дамамъ, каждый имѣетъ своихъ особливыхъ знакомыхъ. У нихъ предметъ разговора одинъ: о болѣзняхъ и способахъ лѣченія; почтиающіе себя знатоками, добродушно навязываютъ всякому свой способъ леченія, какъ самый дѣйствительный, опровергая всѣ другіе, какъ недостойные слѣдованія. Я здѣсь испыталъ, что са-

мое искреннее вниманіе, можетъ въ послѣдствіи надобность; не разъ чувствовалъ я себя нездоровымъ отъ того единственно, что меня безпрестанно спрашивали: здоровы ли вы? лучше ли вамъ?...

Я нарочно прѣзжалъ къ Сабанѣевскому ко-
лодцу по утрамъ, любоваться этимъ вѣчнымъ дви-
женіемъ, суетою; и всякой почти разъ, или на-
ходилъ тамъ знакомаго вновь прѣхавшаго, или
знакомился съ новымъ лицомъ. Послѣ обѣда, мнѣ
стояло подвинуть свое кресло къ окну, и полный
Венеціанскій карнавалъ представлялся глазамъ
моимъ. Остолбѣныя и провинціальныя одежды,
представляли здѣсь смѣсь, истинно маскарда-
ную: кто во фракѣ и въ Черкеской шапкѣ, кто
завернувшись въ широкій плащъ, шелъ посреди
собранія въ колпакѣ, кто въ буркѣ и подъ вуалью,
кто въ нанковомъ сюртукѣ и въ шитомъ золотомъ
картузѣ; слуги и служанки столь же разнообраз-
но одѣтые, несутъ въ купальни узлы, ковры, по-
душки и тюфяки. Отъ пяти часовъ и до поздня-
го вечера, бульваръ, предъ окнами моими прохо-
дящій, кипитъ многолюдствомъ; нестрѣбеть отъ
разноцвѣтныхъ одеждъ, полковая музыка гре-
митъ, и я, сидя у окна и ничего не дѣлая, бываю
очень занятъ, иногда уставаю, но не скучаю;
ибо какъ въ сей печальной юдоли не возможно
быть совершенно благополучнымъ, то я старался
по крайней мѣрѣ быть веселымъ. Веселость иног-
да замѣняетъ благополучіе, иногда подражаетъ

ему; и если не въ существѣ, то по наружности весьма много на него походить. Безпомощное мое положеніе уже было очевидно, червь горести грызъ мое сердце, но я, покоряясь гнѣву Божию, терпѣлъ, страдалъ и могъ еще смотрѣть на блестящее собраніе; могъ шутить, могъ казаться веселымъ.

Мужчины и въ сихъ собраніяхъ наблюдаютъ простоту, слагаютъ съ себя внѣшніе знаки почестей и посѣщаютъ дамъ просто въ сертукахъ и безъ орденовъ. Дамы и здѣсь какъ и вездѣ, являются съ пышностію; но за неимѣніемъ ли столичныхъ модъ, или собственнаго вкуса, на бульварѣ и въ собраніи встрѣчаешь часто непріятную для глазъ пестроту; и горе той, которой граціи открыли тайну ловко одѣваться: женщины объявятъ ей войну, войну непримиримую; и за головной уборъ, сдѣланный искусными руками М. Ксавье, нервы ихъ до того могутъ разстроиться, что врядъ ли и самый Нарзанъ принесетъ имъ пользу; и тогда, побѣжденные одною ленточкою, ловко къ чепчику приколотою, ѣдутъ скрыть свое негодованіе за Кавказъ, въ Крымъ, въ Вятку и въ Малороссію. Провинціалка съ хорошенькимъ личикомъ, и въ собраніи и на бульварѣ является въ томъ же нарядѣ, и сказываясь больною, танцуетъ во всю ночь до упаду. На сихъ балахъ, враждованіе дамъ становится явственнѣе, и холодность ихъ обращенія между собою, едва прикрывается завѣсою пристойности. Генеральскія

дочки танцуютъ съ Адъютантами стоишь отцовъ, а другія дѣвицы, не имѣя знакомыхъ, остаются праздными зрительницами; одинъ изъ нихъ съ досады уходитъ, другія, просидѣвъ на одномъ стулѣ до самаго разсвѣта, оставляютъ домъ собранія, чуть не съ слезами на глазахъ. Здѣсь къ стати замѣтить, что, исключая столицъ, во всѣхъ нашихъ провинціальныхъ городахъ недостатокъ танцующихъ кавалеровъ весьма ощутителенъ; и это конечно потому, что во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ, мальчиковъ танцовать не учили; а для дѣвицъ танцованье всегда почиталось первымъ предметомъ воспитанія.

Въ такомъ множествѣ пріѣзжихъ, много и оригиналовъ: изъ нихъ, привыкшіе къ роскоши и ко всѣмъ удобствамъ жизни, представляютъ здѣсь самое несчастное созданіе. Одинъ смотритъ на все въ увеличительное критическое стекло, другому всѣ предметы кажутся не на мѣстѣ, иному же все надоѣло: онъ вздыхаетъ о прогулкахъ по Невѣ, по островамъ, о театрѣ, о пивѣ, о женѣ — и не вѣдомо еще о чемъ....

Другой, мой пріятель, удивлялся, какъ я могу умываться одною рукою, и одѣваться съ пособіемъ одного только слуги; какъ между тѣмъ онъ при сихъ дѣйствіяхъ, также какъ и при вареніи кофе, не можетъ обойтись безъ пяти лавровъ!

Провинціальная причудливица, богатая и роскош-

ная, добрая и готовая на всякой благородный подвигъ, пріѣхала съ огромною свитою праздныхъ слугъ, служанокъ, фаворитокъ и приживалокъ, привезла сверхъ того, двѣ коники и три моськи, къ коимъ вскорѣ присоединились нѣсколько паръ фазановъ, и двѣ дикія козочки; — и не нашедъ дома, приличнаго для помѣщенія всѣхъ своихъ животныхъ и домочадцевъ, проклинала здѣшнюю кочевую жизнь, дивилась и понять не могла, почему въ Пятигорскѣ нѣтъ того, что есть у нее въ деревнѣ, и въ Москвѣ!

Лучшій изъ оригиналовъ, годный въ кунсткамеру, или на футляръ для контръ-баса, въсомъ пудовъ въ десять, лѣсый, жирный и по обширности живота своего, давно уже не выдавшій своихъ ногъ; снѣдая по шести разъ въ день, и поглощая всякаго рода съѣстныхъ припасовъ и питей, до полутора пуда, всѣмъ жаловался на доктора, что предписалъ ему діету столь строгую, что онъ боится умереть отъ нея съ голода!

Наконецъ, иппохондрики могли бы составить многочисленный классъ жалкихъ палуновъ; но какъ ихъ шутки не слишкомъ забавны, то я упомяну только объ одномъ. Одинъ изъ нихъ, чловѣкъ молодой и къ несчастію чрезвычайно мнительный, вообразилъ, что онъ ничего не можетъ кушать, кромѣ одного бульона, и съ помощію снижодительныхъ, на все согласныхъ медиковъ, лекарями и діетою истощилъ себя до того, что

наконецъ въ сильнѣйшей иппохондріи отправилъ его какъ безнадежнаго на Кавказъ. Дорожное движеніе, перемена воздуха, пріятное препровожденіе времени и воды благодѣтельнаго *Машука*, облегчили, разсѣяли сумрачныя его мечты. Въ свободныя отъ припадковъ слабодушія минуты, нашъ иппохондрикъ, по просьбѣ пріятелей, рѣшился пообѣдать: проглотилъ нѣсколько ложекъ супа, сжевалъ пылячье крылышко, выпилъ рюмку Шампанскаго, и полагая, какъ думать должно, что онъ пресыщеніемъ отравилъ себя, спѣшилъ предупредить мученія смерти. После обѣда весело раскланялся съ гостями, легъ отдохнуть, выслалъ изъ комнаты всѣхъ людей, и пистолетнымъ выстрѣломъ разбилъ себѣ голову.

Между прочими оригиналами, нашель я одного, котораго не лѣзя не полюбить, не лѣзя не замѣтить. Какъ Пиррона называли машиною эпиграммъ, такъ его можно назвать машиною памяти. Онъ все знаетъ, и все помнить: произшествія допотопныя, также какъ и нынѣшнія закулисныя, достопамятное и мелочное, святцы и родословныя, событія къ разряду любовныхъ приключеній принадлежащія, и тайны Европейскихъ Дворовъ, все у него наизусть, все на перечеѣ, по числамъ, по часамъ. Эта ходячая лѣтопись, лексиконъ, энциклопедія, какъ вамъ угодно назвать, очень при томъ доброго нрава, и въ существѣ своемъ заключаетъ противорѣчіе странное и никакъ не ожидаемое. При столь обширныхъ познаніяхъ и памяти, онъ ни

одной строки въ жизни не написать своею рукою, и въ отношеніи къ себѣ не помнить ничего, что дѣлаетъ: выходить на прогулку въ одномъ сапогѣ, и собирается на балъ, бывшій прошедшаго четверга. Въ глазахъ его блистаетъ умъ, но всѣ движенія и самыя члены изображаютъ лѣнь безпробудную, доброту неисчерпаемую. Мнѣ не случалось встрѣчать ни одного лица столь много говорящаго. Пальцы его, кажется, сдѣланы только для того, чтобы давать. Онъ подаетъ нищему монету, первую, какая ему въ кошелькѣ попадется, никогда не вспомнить взять сдачи съ купца, и, подобно святому Мартину, готовъ отдать плащъ, последнюю рубашку проходящему, имѣющему въ томъ нужду; и, потомъ преравнодушно садится дома на мягкій диванъ, а за неимѣніемъ его просто на полъ, не думая о томъ, что нынѣ и завтра нечего кушать. Словомъ мой добрый лѣнивецъ есть существо достойное всякаго уваженія.

Нѣчто о Черкесахъ.

Я люблю (не скажу уважаю) Черкесовъ, сихъ полу-воровъ-героевъ; ибо со многими пороками, они еще храбрѣе и Турокъ; люблю смотрѣть на нихъ, потому что они очень статны, развязны и щеголевато одѣваются; люблю ихъ и за то, что они промышляютъ воровствомъ, не либеральничаютъ и подобно революціонернымъ рыцарямъ не ищутъ

власти, не философствуютъ, не принуждаютъ другихъ жить или думать такъ, какъ они живутъ и думаютъ. Словомъ, Черкесы не принадлежатъ къ числу мыслителей, съ высшими взглядами, не разсуждаютъ и не заблуждаются на счетъ своего политическаго существованія; предпочитаютъ воровство славѣ, праздность труду, и не увлекаясь никакими иными страстями, добычу ловко и храбро украденную предпочитаютъ всѣмъ другимъ понятіямъ о чести и справедливости. Искусство воровать, храбро нападать и быстро отступать, составляютъ всю ихъ мудрость, весь итогъ ихъ достоинствъ.

О племенахъ, обитающихъ по сѣверному скату Кавказскихъ горъ, и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Черкесовъ, много писано, но мало сказано; ибо нравы ихъ, правленіе, образъ жизни, вѣра, языкъ, представляютъ такой хаосъ, такое противурѣчіе съ нашими понятіями, что мы, живя съ ними по сосѣдству, еще не довольно ихъ знаемъ. Храбрецы сіи стоятъ однакожъ всего нашего вниманія, ибо намъ, какъ націи великой и могущественной, предстоитъ подвигъ великодушный: намъ должно просвѣтить ихъ, пріучить къ труду, успокоить и, исхитивъ изъ дикаго состоянія, сдѣлать людьми.

Разверните Исторію, прочтите о Половцахъ и Печенегихъ, и вы будете имѣть полное понятіе о Черкесахъ: то же певѣжество, то же свирѣпство и та же грубость во нравахъ. Принятое ими поня-

тіе о насиліи, ненависти, мщеніи и корысти, со-
дѣлали ихъ неустрашимыми, но не воинами; и они
остались тѣми же варварами, заносчивыми и вѣ-
роломными, какими были сосѣди предковъ на-
шихъ, жившихъ въ IX столѣтіи. Черкесы отлича-
ются излишествомъ всѣхъ пороковъ и добродѣ-
телей, свойственныхъ полу-дикимъ народамъ. Раз-
сматривая оныя, встрѣчаешь противурѣчія, оскор-
бляющія умъ и нравящіяся сердцу. Они сребро-
любивы и умѣютъ переносить бѣдность, коварны
и вѣрны въ дружбѣ до великодушія, злобы про-
тиву врага, но въ домашнемъ быту кротки, го-
степріимы; ищутъ богатства и живутъ всегда
умѣренно; любятъ свободу и терпятъ тирановъ;
ведутъ праздную, буйную жизнь, отличаются лег-
ковѣріемъ и непостоянствомъ; и цѣломудренны,
почтительны къ старости, снисходительны къ же-
намъ и милосердны къ плѣнникамъ. Сіи общія
черты нравственности представляютъ ту горькую
смѣсь, которая въ теченіи десяти протекшихъ
вѣковъ не могла перебродить, измѣниться и хотя
сколько нибудь улучшить.

Черкесы ведутъ жизнь совершенно воинствен-
ную: грабежъ, убійство и кровомщеніе составля-
ютъ обычное ихъ состояніе. Вѣчная война, вѣч-
ная тревога, нищета и глубокое невѣжество со-
дѣлали ихъ смѣлыми и проворными, и образовали
между ими особенный родъ честолубія, назы-
ваемого нами хищничествомъ. Едва ли есть на
земномъ шарѣ другой народъ, который бы съ

большимъ упорствомъ защищался и съ большею наглостію посягалъ на утѣсненіе своихъ сосѣдей и ближнихъ.

Черкесы не имѣютъ писанныхъ законовъ: обычаи и привычки замѣняютъ оныя. Мечъ рѣшаетъ тяжбы, убійство отмщается убійствомъ же, деньгами искупаются вины. Правленіе ихъ представляетъ подобіе помѣстнаго, смѣшаннаго съ народнымъ правленіемъ. Сія чудовищная смѣсь произвела множество малыхъ тирановъ, и народъ свободный содѣлала рабомъ. Князья ихъ подразумѣваются владѣтельными, и не имѣя въ правленіи почти никакого участія, уважаются только по личной ихъ храбрости и богатству. *Уздени* (дворяне) владѣютъ землею на откупномъ правѣ; черкъ не по праву, а по привычкѣ признаетъ себя ихъ подданными, но на сборахъ для совѣта мнѣніе народа имѣетъ силу закона. *Уздени* составляютъ рыцарской станъ, живутъ разбоемъ, упорно стоять за свои преимущества, иногда, удерживаютъ князей въ предѣлахъ умѣренности; и постоянно тѣснятъ народъ. Сіи правители безъ власти, управы безъ законовъ; и сія необузданная свобода *Уздени*, и сіе рабство народа — плодъ своенравія, а не разсудка, должны были произвести и произвели вѣдъ бѣдствія слабаго Правительства и кровопролитнаго безначалія. Такое безначаліе должно было бы истребить все племя Горцевъ, если бы соблюденіе долга гостепріимства, ненарушимая связь *куначества*, заступленіе женскаго

пола, и нѣкоторые другіе обычаи не удерживали руку убійць, и корысть не побуждала хранить плѣнниковъ для продажи или для выкупа.

Не имѣя ни законовъ, ни правленія, Черкесы не имѣютъ и вѣры. Еще недавно Князья и Уздени назывались Магометанами. *Муллы*, присланныя Турецкимъ Султаномъ, не могли безграмотныхъ людей содѣлать усердными поборниками мусульманства; но по обычаю своему успѣли внушить имъ ненависть къ Русскимъ. Ненависть сія не имѣетъ однакожъ Турецкаго свойства: она легко уступаетъ обстоятельствамъ, и особенно денежнымъ подаркамъ. Большая часть Горскихъ народовъ суть язычники или, лучше, не имѣютъ никакой вѣры. Сіи народы хотя суевѣрны, но показываютъ совершенное равнодушіе ко всѣмъ исповѣданіямъ, не исключая и своего. Между Кабардинцами сохранились однакожъ нѣкоторые Христіанскіе обряды, которые, какъ искры въ темную ночь, слабо освѣщаютъ глубокій мракъ невѣжества. Такъ, къ развалинамъ одного храма, *Татартунъ* называемаго, имѣютъ они столь великое благоговѣніе, что убійца и всякій ищущій въ немъ убѣжища, остается неприкосновеннымъ.

Знатность рожденія составляетъ весьма важное преимущество между Горцами; и самыя неукротимыя между ими республиканцы почитаютъ особу Князя неприкосновенною. Но Князья сіи не имѣютъ никакого нравственнаго преимущества предъ простымъ народомъ: также безграмотны,

также необразованы, и если не умѣютъ воровать, то терпятъ и власть и уваженіе народа. По сему-то искусство притѣснять подданныхъ своихъ, отнимать у нихъ что подъ руку попадется, грабить сосѣдей и налагать на нихъ дань — составляетъ преимущественное ихъ занятіе. Для приобрѣтенія большаго богатства и большей тяжести и силы нужныхъ для угнетенія, главное Князей попеченіе состоитъ въ томъ, чтобы приобрѣтать способы къ содержанію при себѣ большаго числа наѣздниковъ. Воспитаніе Княжескихъ дѣтей ничѣмъ не отличается отъ простаго народа: оно ограничивается наукою красть, ловко владѣть саблею и мѣтко стрѣлять изъ ружья. Дядька (*Аталыка*) Княжескаго сына, до возмужанія питомца своего, въ награду за воспитаніе получаетъ съ него девять десятыхъ изъ приобрѣтаемой имъ добычи.

Князья, не имѣя никакого умственнаго образованія, обращаются съ Узденями и народомъ за просто, живутъ въ такой же грязной мазанкѣ безъ пола и оконъ, и ѣдятъ пшонную кашу вмѣсто хлѣба. У Князя на столѣ найдете вы то же, что и у всякаго Черкеса: кусокъ вареной или въ золѣ печеной баранины, жареное просо, бузу и дурной медъ; и все до того плохое, что зажиточный нашъ крестьянинъ конечно не согласился бы быть Черкескимъ Княземъ, не смотря даже и на то, что въ семъ званіи можно воровать и обижать сосѣда безнаказанно, можно безъ платы брать все, что нужно для пропитанія, одежды и проч. и проч.

Черкесь проводить всю жизнь на конѣ, и упражняясь въ ловлѣ людей и звѣрей, почитаетъ всякой трудъ унижительнымъ для себя. Сидя дома, чтобы подобно Италіанцамъ ничего не дѣлать (*Dolce, fare niente*), курить трубку, или кинжаломъ стругаетъ палочку. Жены ихъ, славныя своею красотою и особенно стройностію стана, славятся, (въ противорѣчіе нашимъ красавицамъ) и рукодѣльностію своею: они у нихъ портные, ткачи, швеи, тесемщики. Немногіе изъ мушницъ занимаются ружейнымъ, сѣдельнымъ и сапожнымъ ремесломъ, а для предмѣтовъ роскоши есть только серебрянаго дѣла мастера. Кавказскіе наѣзники почитаютъ неприличнымъ торговать между собою, и думаютъ, что благороднѣе отнятое подарить, нежели собственность продать. Но нужда побѣждаетъ однакожь сей ложный стыдъ, и Князья ихъ, также какъ и простой народъ, умѣютъ торговаться и съ выгодною продавать свои произведенія только иноземцамъ. Они промѣниваютъ сыры кожи, мѣха, воскъ, медъ, лошадей, рогатый скотъ, войлоки, сѣдла, уздечки, шитое платье, на нужнѣйшія для нихъ вещи, какъ то: порохъ, свинецъ, огнестрѣльное и бѣлое оружіе, чугуныя котлы, холстъ, сукно, юфть и особенно соль. Торговля сія весьма впрочемъ незначительна.

При такомъ неустройствѣ, гдѣ право сильнаго замѣняетъ законы, гдѣ разбой и убійства составляютъ знаменитость, власть и славу, есть однакожь нѣкоторые условныя между Горцами

народныя права, есть средства, употребляемыя ими для пріобрѣтенія помощи, заключенія союзнаго договора; есть политика, въ которую, къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ пограничныхъ Начальниковъ, мало вникали, худо понимали, и потому часто ошибались. Впрочемъ, мудро придумать средства къ погашенію духа раздоровъ, къ удержанію кровопролитія и грабежей искони вѣковъ непрерывно продолжающихся.

О разбояхъ Черкесовъ много говорятъ и много лгутъ: преувеличенные рассказы о набѣгахъ ихъ тревожатъ воображеніе бѣдныхъ больныхъ, робкихъ отъ немощи, и малодушныхъ по недостатку тѣлесной силы; тревожатъ до того, что многіе изъ нихъ отказываются искать исцѣленія тамъ, гдѣ жизнь, по ихъ мнѣнію, подвергается очевидной опасности. Я не скажу однакожъ, чтобы не было никакой опасности: случаются бѣды, но рѣдко.

Справедливо называютъ Черкесовъ отважными наѣздниками, но несправедливо нѣкоторые считаютъ ихъ отличными воинами. Будучи въ полудикомъ состояніи, не имѣя понятія о чести, они храбрують не для славы или защиты своей независимости, а для одной добычи; и тѣмъ, что мы называемъ разбоемъ и грабительствомъ, они похваляются точно такъ, какъ наши картежные игроки кичатся богатствомъ, пріобрѣтаемымъ подрѣзными картами; и точно такъ какъ у насъ поздравляютъ игрока съ выигрышемъ, здѣсь по-

здравляютъ молодца съ добычею. Логика Черкесовъ чуть ли не лучше нашей.

Если читатель найдетъ въ семь портретъ нѣкоторое сходство съ Спартакцами, то да не усомнится въ томъ, чтобы Ликурговы республиканцы стоили большаго уваженія, нежели наши сосѣды. Если же читатель найдетъ въ изображеніи моемъ мало лестнаго, не моя въ томъ вина: копія моя вѣрна, и если есть въ ней какіе недостатки, то они принадлежать оригиналу.

Черкесы производятъ нынѣ поиски свои слѣдующимъ образомъ. Тайно переправившись чрезъ пограничныя рѣки, раздѣляются на малыя партіи, отъ 20 до 30 и рѣдко болѣе 50 человекъ, разѣзжаются въ разныя стороны; и засѣвши въ ущельяхъ горъ или въ какихъ-либо скрытыхъ мѣстахъ, въ зрительную трубу ^(*) высматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ крестьянъ отдѣльно въ полѣ работающихъ, не видно ли по дорогѣ обоза, или путешественниковъ съ небольшимъ конвоемъ и въ маломъ числѣ ѣдущихъ. Высмотрѣвъ нападаютъ тамъ, гдѣ менѣе предвидятъ для себя опасности, и схвативши что подъ руку попадется, дабы избѣжать преслѣдованія, пускаются цѣлкомъ чрезъ степь или по непроходимымъ стезямъ горами, и чрезъ ночь являются за сто верстъ; гдѣ снова высматриваютъ, снова уловляютъ минуту способную

(*) Зрительныя трубы покупали они съ кораблей, приходящихъ въ Анапу и Суджукъ-кале.

для нападенія, и снова скрывшись, проникають за 200 и болѣе верстъ во глубину Кавказской области, грабя, и убивая всегда нечаянно, мгновенно. Въ ночное время одинъ изъ хищниковъ ѣдетъ впередъ, и высѣкая изъ кремня огонь, показываетъ тѣмъ дорогу слѣдующему за нимъ отряду. При переправахъ, они накидываютъ бурку на глаза лошади, и съ крутизны бросаются съ нею въ быстрину. Собранную добычу, состоящую изъ плѣнниковъ и скота, скрываютъ до времени въ дебряхъ непроходимыхъ горъ; потомъ тайными путями перегоняють чрезъ границу, и посредствомъ *кунаковъ* (друзей), отчасти изъ нашихъ такъ называемыхъ мирныхъ Черкесовъ, передають въ свои улусы, находящіеся при подошвѣ Эльборуса и далѣе въ горахъ.

Большія толпы хищниковъ держатся той же тактики, какъ и малыя: переправившись чрезъ Кубань тайно или открытою силою, быстро переходятъ во внутренность страны верстъ за 50 и за 100; тамъ по удобности нападаютъ на одно или нѣсколько селеній, и схвативъ что удастся, также прямо степью, или лѣсомъ и горами, поспѣшно отступаютъ назадъ, пробиваются въ другомъ пунктѣ границы и уходятъ во свояси не оглядываясь. Такимъ образомъ совершаютъ они поиски свои съ такою быстротою, что успѣвають убѣгать за Кубань съ богатою добычею. При сихъ набѣгахъ, Черкесы постоянно уклоняются отъ битвы съ регулярною пѣхотою, отъ одного

выстрѣла изъ пушки бѣгутъ стремглавъ. На редутъ и на самое плохое полевое укрѣпленіе, защищаемое ротю егерей, никогда не нападаютъ открытою силою явно, а развѣ только ночью, врасплохъ. Баталіонъ, устроенный въ каре, съ одною или двумя пушками, почитается ими какъ крѣпость неприступнымъ; слѣдственно съ двумя или тремя полками можно пройти куда угодно, можно раззорить всѣ ихъ *дулы*. На ровныхъ мѣстахъ Черкескіе латники уступаютъ намъ поле безъ сопротивленія, и рѣдко подѣзжаютъ къ пѣхотному строю на близкій ружейный выстрѣлъ; но въ тѣсныхъ своихъ ущеліяхъ, спѣшившись, стрѣляютъ съ присошки весьма мѣтко, и защищаются упорно. Инстинктъ самохраненія умудрилъ и нашихъ Казаковъ, особенно линійныхъ, которые, имѣя хорошихъ Черкескихъ лошадей, не уступаютъ Горцамъ въ храбрости; отважно рубятся съ ними на *шашкахъ*, и также мѣтко стрѣляютъ изъ ружья на скаку. Союзные, такъ называемые, мирные Черкесы, Кабардинцы и другіе Горцы, даютъ намъ значительное число отличной конницы. Слѣдственно связь между ими разорвана. Впрочемъ Черкесы никогда не составляли одной націи, и никогда не выставляли противу насъ общаго ополченія.

При развѣздѣ посѣтителей изъ Пятигорска въ 1831 году, многіе изъ нихъ, согласившись, наняли долгихъ до Ставрополя, выѣхали вмѣстѣ экипажей по десяти и болѣе; и ничего непріятнаго съ ними

не случилось. На встрѣчу одному изъ сихъ каравановъ выскакали человѣкъ 20 хищниковъ, но увидя, что экипажи, ѣхавшіе шагомъ, окружены были вооруженными людьми, готовыми къ оборонѣ, не посмѣли сдѣлать нападенія, и усаkali изъ вида съ такою же скоростію, какъ показались. Я выѣхалъ изъ Пятигорска 15 Сентября, и въ сопровожденіи трехъ, иногда одного Казака, а послѣ и совсѣмъ безъ конвоя пріѣхалъ въ Ставрополь благополучно. Далѣе дорога была безопасна.

Въ заключеніе, дабы короче и одною характеристическою чертою познакомить читателя съ Черкесами, скажу, что очевиднаго преимущества нашихъ войскъ и искусства недостаточно для того, чтобы обезохотить хищниковъ отъ привычки жить на нашъ счетъ, и конечно никакія препятствія и опасности не принудятъ ихъ добровольно отказаться отъ промысла, составляющаго единственный ихъ денежный доходъ.

РАЗЪѢЗДЪ.

Недѣлю назадъ бывъ веселъ и доволенъ, я могъ бы рассказать про мое житье-бытье много забавнаго, но теперь мнѣ не до того: сборы въ обратный путь, дальняя дорога, осень, грозящая бурями и непогодами, а всего болѣе безногое мое положеніе, навели на меня такую тоску, что я

самъ себя не узнаю. Оставляю Пятигорскъ безъ сожаленія, возвращаюсь въ Петербургъ безъ удовольствія, и не зная, что со мною будетъ и что стану дѣлать? подобно мореплавателю, претерпѣвшему кораблекрушеніе, всего лишившемуся и едва оставшемуся въ живыхъ, иду искать успокоенія и пристанища; но найду ли его? Эта неизвѣстность приводитъ въ смущеніе мою душу; всего болѣе убиваетъ меня мысль, что не могу служить Царю добромъ и долженъ влечить безполезную жизнь, будучи въ тягость и ближнимъ и себѣ, — и даже Государственному Казначейству. Такъ горько кончилось мое пребываніе на Кавказскихъ водахъ.

Надобно спѣшить отъѣздомъ, ибо послѣ праздника, назначеннаго въ Кисловодскѣ 22 Августа, въ день Коронаціи, многіе изъ посѣтителей собираются въ обратный путь. Нынѣшній курсъ (1832 г.) общественныя удовольствія, какъ то не ладились; и ни на одинъ пикникъ не могли согласиться. Наконецъ, досыта накричавшись, и насажавъ другъ другу нѣсколько острыхъ непріятностей, согласились поселиться и угостили себя по системѣ самой либеральной: много было хозяевъ и, ни одного властнаго распорядителя. За всѣмъ тѣмъ, праздникъ былъ самый блистательный, какихъ здѣсь еще не бывало. Кромѣ посѣтителей приглашено было 300 Кабардинскихъ Князей и Узденей, которыхъ съ Московскою пышностію упитали яствами и упѣили напитками, для желудковъ ихъ приторными; пѣли

предъ ними стихи и разыгрывали прекрасный полонезъ съ хоромъ; сочиненный извѣстнымъ композитеромъ, любителемъ музыки Г. Алябьевымъ, изъ которыхъ они не поняли ни одного слова, и ни одного звука. Послѣ обѣда была скачка, стрѣльба въ цѣль, разные наѣздническіе маневры; ввечеру: фейерверкъ, балъ, иллюминація; словомъ, праздникъ хоть куда и для Кабардинцевъ невиданный, чудесный, очаровательный.

Я всегда думалъ, что простоватой слуга опаснѣе вороватаго, и сверхъ того гораздо несноснѣе послѣдняго; ибо отъ ухищреній остережешься можно, а отъ глупости никогда. Одинъ исправляется наказаніемъ, а глупость неизцѣлима; и чтобы избавиться отъ дурака, надобно выгнать его изъ дома, и при перемѣнѣ того и смотри, чтобы не попасть изъ огня да въ полымя. Одинъ изъ моихъ пріятелей, отправившійся *на гульбу* въ Кисловодскъ, просилъ меня присылаемые на него изъ Россіи письма принимать, а отъ него ко мнѣ доставляемые отдавать на почту. Человѣкъ мой принялъ присланный изъ Кисловодска большой пакетъ, и не спросивъ у принесшаго, кто онъ такой и отъ кого присланъ? — отпустилъ его. Срываю печать, и вмѣсто писемъ нахожу старыя рапорты, вѣдомости и разныя полковыя дѣла. Эта мистификація мнѣ не понравилась. Я отослалъ рапорты въ полковую Канцелярію, и получилъ въ отвѣтъ отъ Адъютанта, что о посланныхъ ко мнѣ письмахъ онъ понятія не имѣетъ! Двумое, по

миѣнію Платона, безперое мое животное, отъ утра до вечера бѣгалъ, искалъ; и, толку не добившись, въ заключеніе кончилъ безсмысленнымъ вздоромъ: будто пріятель мой поручилъ доставить мнѣ пакетъ какому-то Полковнику, Полковникъ передалъ Попу, Попъ Адъютанту, Адъютантъ Прапорщику, тотъ уряднику, урядникъ невѣдомо кому, а этотъ невѣдомо кто, съ какимъ-то діаволомъ прислалъ мнѣ вѣсто писемъ полковые отчеты. Писма пропали!....

Разъѣздъ съ минеральныхъ водъ не походитъ на пріѣздъ. Больные или такими себя считающіе, пріѣзжаютъ въ дурномъ нравѣ, сумрачны, печальны, со страхомъ и надеждою: отъѣзжаютъ въ силахъ — обновленными, въ чувствахъ — радостными, веселыми; и если уже безъ надежды, то и безъ страха; ибо страхъ, какъ извѣстно, по мѣрѣ приближенія къ опасности уменьшается. Такъ и я, видя смерть предъ моими глазами, привыкъ смотрѣть на нее безъ ужаса; и хотя хотѣлось бы еще пожить года два лишнихъ, но безъ большаго сожаленія готовъ и сей-часъ разстаться съ жизнію. При отъѣздѣ изъ Пятигорска я точно находился въ томъ положеніи и въ томъ же расположеніи духа, въ какомъ бываешь въ дѣйствительномъ сраженіи, въ которомъ, стоя подъ картечными выстрѣлами, и будучи, такъ сказать, въ челюстяхъ смерти, желаешь остаться цѣлымъ, и, между тѣмъ, не щадя жизни, неподвижно стоишь посреди очевидной опасности.

Неисполнившееся ожиданіе на полное изцѣленіе, всѣми эскулапами и добрыми людьми въ сей Божіей лѣчебницѣ мнѣ обѣщанное, колебали вѣру и терпѣніе мое, сильно тревожили и нарушали спокойствіе духа, для поддержанія немощи моей необходимаго. Но какъ нѣтъ столь отчаянной болѣзни, исключая рѣдкіе случаи, отъ которой бы больной не имѣлъ надежды избавиться, то сія надежда успокоивала меня и облегчала тяжесть испытующаго меня креста. Подобно Панглосу, я не восклицала: „*Все къ лучшему!*“ ибо въ моемъ положеніи, по истинѣ, не представлялось ничего хорошаго; но если, (такъ разсуждалъ я про себя), болѣзнь моя неизцѣлима, то смерть прекратитъ ее и дѣлу конецъ.

Сіи разнородныя мысли, волновавшія мое воображеніе; сія печаль и надежда, улаждавшія мою душу, утвердили меня въ мнѣніи противномъ тѣмъ философамъ, которые, сами наслаждаясь жизнью, увѣряютъ другихъ, будто жизнь наша есть не иное что, какъ собраніе несчастій. Но если жизнь есть несчастіе, то смерть, какъ противоположная жизни, должно бы назвать исключительнымъ благополучіемъ. Сей выводъ для многихъ можетъ показаться жестокимъ, и тѣ, которые такъ думаютъ, конечно произнесли такой приговоръ во время болѣзни или безденежья; ибо еслибъ они пользовались хорошимъ здоровьемъ и въ карманѣ имѣли полный кошелекъ, то конечно перемѣнили бы свое мнѣніе. Правда, въ

въ продолженіе жизни, случаются несчастія, нѣкоторыя и меня посѣтили; но самое существованіе оныхъ доказываетъ, что сумма благополучія превышаетъ сумму несчастія. Мы не безъ причины столько животолюбивы, и безъ сомнѣнія любимъ жизнь не даромъ, любимъ за то, что она доставляетъ намъ многія удовольствія и наслажденія. По сему отвергать, что жизнь не составляетъ нашего блага, значило бы клеветать на благое Провидѣніе. Такъ, подходя къ предѣламъ жизни, мнѣ нравится, и въ моемъ страдальческомъ положеніи, изъ ветхой тѣлесной моей хижины смотрѣть окомъ разума, на обширное, пройденное мною поле жизни, гдѣ росли для меня и розы, встрѣчались и тернія; а теперь одно горе и бѣда посѣтили. Постараемся же окончить поприще наше какъ можно спокойнѣе, раскланяемся съ жизнью какъ можно учтивѣе, и перейдемъ къ другой жизни, къ другимъ радостямъ, если по внутреннему сознанію совѣсти считаемъ себя оныхъ достойными.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ.

Недѣлю собирались, два дни укладывались и 25го Августа, вставши въ 5 часовъ утра, располагали выѣхать въ 10, но какъ ни торопились, а выѣхали не прежде 4^{хъ} часовъ по полудни. Хотя и не было причины много горевать, раставаясь съ

Пятигорскомъ, однакожь, когда съ постели перенесли меня въ карету, когда извозчикъ взмахнулъ кнутомъ и крикнулъ на лошадей, то я вздохнулъ, перекрестился и отеръ слезу. При самомъ выѣздѣ изъ воротъ, окропилъ насъ небольшой дождикъ: добрый знакъ, сказалъ я самъ себѣ; и вспомнивъ въ какомъ положеніи пріѣхалъ сюда, въ знакъ благодарности еще разъ перекрестился. Вскорѣ въ зеркалѣ воображенія представились мнѣ радости, а надежда, сія небесная утѣшительница, расплотивъ мои мечты, усладила ихъ и разогнала скоплавшіяся въ головѣ моей печальныя думы.

Быстро катился экипажь, быстро одни за другими смѣнялись ландшафтные виды горъ, которыхъ какъ острова со дна океана возникали. Любуясь то двухгорбою Верблюжьей горою, то конусообразною голою вершиною Змѣиной горы, то съ благодарностію измѣряя взоромъ зеленью покрытый Машукъ, мнѣ стало какъ-то легче, и въ моемъ полумертвомъ положеніи, увлекшись пріятными мечтами, я нѣсколько минутъ, вопреки дѣйствительности, былъ счастливъ, веселъ, доволенъ.

Свободный отъ заботъ и обязанностей службы, я могъ располагать своимъ временемъ какъ хочу. Свобода сія дала мнѣ почувствовать многія пріятности, какихъ не зналъ прежде. Я ѣхалъ не торопясь, знакомился съ новымъ своимъ бытомъ и въ головѣ чертилъ планъ будущему.

Пріятная погода, прекрасная дорога и добрыя лошади, скоро и спокойно перенесли меня къ знакомымъ берегамъ Дона. Видъ берега съ сей стороны представляетъ нѣчто особенное, посреди степи неожиданное. Отъ Батайской станціи дорога къ Дону идетъ полемъ ровнымъ и низкимъ, почти въ уровень съ поверхностію воды въ рѣкѣ. Приближаясь къ ней, движеніе на дорогѣ увеличивается, многолюдство примѣтно множится, нѣсколько парусовъ видѣются въ дали и кажутся плывущими по зеленому лугу; нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ съ предлинными крыльями, напоминають болотную, изрытую каналами Голландію. Вообще страна сія нѣсколько походитъ на прибрежныя мѣста, около Текселя и Амстердама встрѣчающіяся. Жаль, что обширная Махинская станція широкими и прямыми улицами вновь разбитая, но утопающая въ грязи, искажаетъ воображаемое подобіе, близость Аксая ослабляетъ очарованіе; лѣсная же биржа, по берегу Дона расположенная, по Русскому своему матеріалу, совершенно выводитъ путешественника изъ заблужденія. Противуположный, правый берегъ Дона отъ Аксая къ морю, подобно раскрашенной ширмѣ, представляетъ иные виды. Тамъ волнистое возвышеніе берега образуетъ многообразныя кривизны, углы, углубленія, покатости, крутые обрывы, и представляетъ природу болѣе разнообразную. Шпицы же колоколенъ и позлащенные кресты, на куполахъ церквей блистающіе въ вышинѣ, прорѣзывая синеву утренняго тумана, еще не

изчезнувшего отъ теплоты лучей восходящаго солнца, въ цѣломъ представляли виды дѣйстви-тельно привлекательные, прелестные.

30го Августа: По плывучему мосту переправившись чрезъ Донъ у Аксая, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, прибылъ я въ Новочеркасскъ, и засталъ всѣхъ жителей въ праздничныхъ одеждахъ и въ большомъ движеніи. Казаки пировали, празднуя тезоименитство высокоповелительнаго своего Войсковаго Атамана, о здоровіи котораго шестьдесятъ милліоновъ Русскаго народа молили Бога и, безъ сомнѣнія, также какъ и Казаки, въ сей день преусердно выпили и закусили. Къ сожалѣнію, мнѣ праздникъ былъ не въ праздникъ: братъ мой еще не возвратился изъ Петербурга, а невѣстка страдала періодическою лихорадкою, чрезъ девять мѣсяцовъ на молодыхъ женщинъ нападающею.

Двое сутокъ ожиданія, истощили мое терпѣніе: я отказался отъ удовольствія видѣть, обнять брата, и 1го Сентября, какъ ударилъ колоколъ къ вечернѣ, выѣхалъ. Если бы знать, что онъ пріѣдетъ на другой день послѣ моего отъѣзда, я бы, кажется, прожилъ еще цѣлую недѣлю, что бы только его дождаться и взглянуть на него; а тутъ какъ нарочно и весьма не къ стати пробудилась во мнѣ военная дѣятельность, когда въ сущности я и въ инвалиды не годился. Но прошедшаго не возвратишь!...

Первую станцію изъ Черкаска ѣхали назадъ.

Зміевскому смотрителю очень не хотѣлось дать мнѣ лошадей прямо чрезъ степь въ *Бабинскую*. Онъ хлопоталъ о томъ, что бы заставить меня объѣхать противу маршрута 15 верстъ лишнихъ; а для своихъ лошадей выиграть дорогу 20 верстами короче. Почти на каждой станціи, встрѣчая подобныя непріятности, я къ нимъ такъ привыкъ, что если дѣло шло только о нѣсколькихъ копѣйкахъ лишнихъ, то молча вынималъ ихъ изъ кошелька и платилъ безъ спора; ибо въ противномъ случаѣ, не избавляясь отъ убытка, надобно было употребить много времени на крикъ и шумъ. Подлинно, путешествующіе въ Россіи, походятъ на перелетныхъ птицъ: также скоро летятъ, и также на каждомъ привалѣ терпятъ убытки. Какъ деньги въ карманѣ у проѣзжающаго то же, что у птицы крылья, то смотрители, ямщики, старосты, трактирщики и кузнецы, стараются выдернуть у нихъ по перушку изъ крыла. Надобно признаться, что искусство сихъ господъ опиывать проѣзжающихъ, далеко превосходитъ и хитрость птицелововъ, и жадность хищныхъ птицъ.

Я согласился ѣхать окружною дорогою, что бы видѣть Ростовъ; но въ семъ ожиданіи очень обманулся. Когда подъѣзжали къ городу, наступила темнота, какъ говорится, хотъ глазъ выколи; а какъ почтовой дворъ помѣщенъ въ крайнемъ съ приѣзда домѣ, большая же дорога продолжена мимо города, то по сему я могу сказать, что былъ и не былъ въ Ростовѣ, на который очень бы

инѣ хотѣлось взглянуть, особенно на близкій къ нему Нахичеванъ, населенный богатыми Армянами.

Ночь была теплая, дорога гладкая какъ столъ, я уснулъ покойно и проскакавъ три станціи проснулся, когда солнце уже было довольно высоко. Боже мой! какая пустота, сказалъ я протирая глаза! какъ тихое море, покрытое голубымъ кристалльнымъ куполомъ, растилалась предо мною необозримая голая степь, на коей взоръ мой не находилъ ни одного предмета, на коемъ могъ бы остановиться, отдохнуть. Присутствіе чловѣка означалось только стогами сѣна; ни жилищъ, ни скота не видно. Между тѣмъ какъ Донскіе кони несли меня во весь духъ, а дѣти, свернувшись кренделемъ преспокойно у ногъ моихъ спали, я началъ молиться, и не помню что бы когда либо молился съ такою полнотою чувствъ. Тишина въ воздухѣ, таинственное безмолвіе, и всѣ другіе окружающіе меня предметы способствовали моему благоговѣнію. Въ семъ обширномъ храмѣ природы, посреди уединенныхъ полей, я чувствовалъ себя какъ бы въ присутствіи Творца.

Наконецъ показался станціонный бивакъ, а вокругъ та же пустота. Не уже ли сія Половецкая земля, гдѣ Игорь Святославичъ томился у Кончака въ неволѣ, нынѣ оставлена? на сей вопросъ, сдѣланный самому себѣ, вскорѣ глазамъ моимъ представился отвѣтъ самый удовлетворительный. Въ десяти верстахъ отъ Колодезной станціи яв-

лется первое Казачье село, которое по сей дороге мнѣ встрѣтилось. Положеніе сего села, называемаго *Дьяково*, (она же *Исаевка*), сколько пріятно, столько же неожиданно. Близъ него протекаетъ рѣчка, на берегу коей видѣнъ господской домъ съ садомъ, и крестьянскіе дворы, обсаженные деревьями. За рѣчку, природа какъ волшебница принимаетъ на себя другой видъ, и вдругъ утомительная для глазъ равнина, обращается въ холмистыя возвышенія. Высоты сіи растутъ постепенно, растутъ и населеніе и богатство; и виды природы какъ въ калейдоскопъ начинаютъ пестрѣть, измѣняться. Въ *Леоновой* деревнѣ есть уже холмы, довольно высокіе и крутые, есть рѣчка и большой прудъ, есть садъ и небольшой лѣсъ; домъ съ мезониномъ и флигелями, и все устройство по образцу Русскихъ помѣщичьихъ усадебъ.

За *Леоновою* на маломъ разстояніи переѣхали мы три ручья, нѣсколько сухихъ отвершковъ, и наконецъ вершину *Миуса*, омывающаго западную границу *Донской* земли. Въ 10^{ти} верстахъ отъ *Есауловской* станціи пять столбовъ означаютъ конецъ Казачьей и начало *Гусарской* губерніи, такъ Казаки называютъ *Екатеринославскую* губернію, потому что здѣсь первоначально поселены были Сербы, составлявшіе Венгерскій Гусарскій полкъ, послѣ *Штеричевымъ* полкомъ называвшійся. Нынѣ они обращены въ казенныхъ крестьянъ. Мѣста, которыми я проѣзжалъ, также какъ и *Миусской* округъ, населены всякимъ сбродомъ

бѣжавшимъ изъ Россіи, Польши и Малороссіи. Все имущество здѣшнихъ богачей, съ небольшимъ исключеніемъ, можно назвать *неправильнымъ нажитіемъ*. Есть помѣщики, принадлежащіе къ числу тѣхъ, которыхъ Французы называютъ *officier de fortune*, владѣющіе тысячею душъ, не издержавъ на приобрѣтеніе ихъ ни одного рубля.

Разкланявшись съ Донскою землею, путешественникъ, можно сказать, освобождается отъ страха — умереть на дорогѣ съ голода; ибо здѣсь дорога проведена не мимо селеній, а на станціяхъ; всего достать можно, и воды и хлѣба сколько угодно. Въ Екатеринославской Губерніи деревни хорошо устроены: вездѣ пруды, колодцы, вѣтренныя мѣльницы и по дорогѣ между станціями построены препорядочныя постоянныя дворы, снабженные всѣмъ нужнымъ. Обширныя пространства обработанныхъ полей и безчисленныя стада рогатого скота и овецъ, являютъ видъ богатства и избытка. Поверхность земли представляетъ холмистый покровъ, по складкамъ отъѣнный букетами деревъ, по оврагамъ растущихъ; словомъ, въ здѣшнемъ краю можно найти помѣстье, и доходное и на самомъ пріятномъ мѣстоположеніи расположенное.

Едва смерклось, и опять наступила ночь такая же темная, какъ вчерашняя. Уставши, я хотѣлъ отдохнуть въ *Адриановольской*, принадлежащей Г. Кампенгаузену, бывшему Градоначальникомъ въ

Таганрогъ; но какъ станція расположена въ глубокомъ оврагѣ, а спускъ въ него крутъ, мостъ же чрезъ рѣчку неисправенъ, то должно было по неволѣ, не въѣзжая въ деревню, остановиться на дорогѣ въ полѣ, и перемѣнивши лошадей, ѣхать далѣе, еще 18 верстъ. Эти 18 верстъ показались мнѣ солонны: люди, пронюхавъ о вольной продажѣ вина, черезъ край дешевенькаго выпили, поднесли и ямщикамъ; и меня, то несли во весь духъ, то безпрестанно останавливались. Терпѣніе мое истощилось, я разсердился и былъ не правъ. Все пошло на выворотъ, все мнѣ казалось не такъ, не на своемъ мѣстѣ. Приѣхавши въ *Чернухино*, гдѣ былъ одинъ только постоялый дворъ, мнѣ непремѣнно хотѣлось сыскать другой получше; и, простоявъ на дождѣ болѣе часа, принужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, какой былъ. При семъ случаѣ я совершенно убѣдился въ томъ, что сердитой, также какъ и влюбленной, не можетъ здраво суждать о вещахъ; ибо сіи двѣ страсти имѣютъ между собою то сходство, что онѣ человека уподобляютъ животному, которое не можетъ противиться инстинкту, имъ управляющему. По сей причинѣ, мы менѣ всего принадлежимъ къ тому роду животныхъ, которыхъ Бюффонъ называлъ разумными, въ то время, какъ бываемъ влюблены или сердиты. По счастью, со мною и то и другое рѣдко случается.

3го Сентября: пѣтухъ поетъ, надобно вставать и ѣхать немедленно. Я такъ привыкъ къ пере-

вздамъ кочующей жизни, что боюсь, какъ бы не сдѣлаться странствующимъ цыганомъ. Теперь весь таборъ со мною, и все, что принадлежитъ мнѣ въ семь мірѣ, помѣщается въ двухъ экипажахъ....

Въ большомъ селѣ *Луганскомъ*, я испугался, когда мнѣ сказали, что надобно починить бричку; но вспомнивъ, что та земля, въ которой не примѣтилъ я и одной кузницы, уже осталась за спиною, успокоился. Подлинно нашелся мастеръ Нѣмецъ и я скоро полетѣлъ впередъ. Здѣсь погоняютъ коней не хуже Донскихъ наемныхъ ямщиковъ: какъ по справкѣ оказалось, по той же самой причинѣ, и здѣсь никому не приходитъ въ голову беречь чужое добро. *Балмутъ*, до покоренія Крыма, знаменитый своими солеварнями, нынѣ походитъ на деревню; но какъ наружность иногда бываетъ обманчива, то и здѣсь показали мнѣ гостинницу, въ которой сверхъ чаянія нашелъ я три чистыхъ комнаты съ мебелью и картинами. По малому числу проѣзжающихъ въ этой сторонѣ, готового стола не держать; но всякой провизіи можно достать, и кромѣ дровъ все очень дешево. За городомъ строятъ балаганы для ярмарки, по дорогѣ встрѣтили мы большія обозы, предпочтительно съ лѣснымъ товаромъ.

Почему Малороссіяне, одаренные отличными умственными способностями и почитающіеся между всѣми Славянскими племенами умницами, приняли на себя столь тупую, холодную наружность? Почему сдѣлались они неповоротливыми, сонли-

выми и предосадно лѣнивыми? Если приписать это климату, плодородію почвы, то въ отвѣтъ на сіе можно сказать, что Сербь, Кроаты, Далматы и Черногорцы, обитая въ лучшемъ и изобильнѣйшемъ климатѣ, болѣе, нежели Малороссіяне, находятъ на Русскихъ. Черногорецъ, напримѣръ, не смотря на внойный день, на торы и трудный путь, переходитъ въ сутки по сту верстѣ; и идучи противу врага на походъ поетъ, на привалѣ пляшетъ, всегда веселъ, доволенъ, расторопенъ и неутомимъ. Посмотрите на Малороссіянина, въ валеномъ его жолмакѣ и бѣлой свиткѣ, едва волочащаго ноги, подлѣ своей пары быковъ; и скажите, если какое-либо сходство между нимъ и Русскимъ?

Одинъ мой пріятель, долго жившій въ Малороссіи, шути изобразилъ характеръ простаго народа, слѣдующею чертою. Чумака, идучи просторною большею дорогою, зацѣпилъ колесомъ за верстовой столбъ и вмѣсто того, чтобы остановить быковъ, бросивъ кнутъ воскликнулъ: *бисова ти-снота!* и ось хряснула какъ у Ипполитовой колесницы, въ рассказѣ Терамена. Не ручаюсь за истину, но если это и неправда, какъ говорить Италіанская пословица, (*se non é vero e ben trovato*) то хорошо выдуманно.

4го Сентября: Небольшой дождикъ и дурная дорога принудили меня остановиться гораздо засвѣтло и удовольствоваться небольшимъ переѣздомъ въ 67 верстѣ. Дорога отъ *Копанки* къ *Славянкѣ* гориста, и подлинно для ночнаго переѣзда

опасна. Она была бы превосходна, какъ и всѣ степныя дороги, коими до сего мѣста катился и какъ по шоссе; если бы оставили ихъ въ природномъ положеніи, обсадивъ только деревьями. Но какъ во исполненіе общаго плана, въ которомъ не взяли въ соображеніе различныя свойства почвы, и здѣсь перерыли ихъ шестью каналами, то эти каналы, на почвѣ глинистой и черноземъ, обратились во рвы и пропасти; а насыпные бульвары, препятствующіе стоку воды, при маломъ дождѣ, посреди лѣта, сдѣлали дороги непроходимыми. Теперь опытъ доказалъ, что черноземныя и глинистыя дороги, и въ осеннее время, были хороши единственно по причинѣ растущей на нихъ травы, которой корни утверждаютъ всякую рыхлую поверхность.

Деревнѣ *Голой Долинѣ*, дано чужое имя, присвоено названіе самое несправедливое. Она расположена на полускатѣ отлогого возвышенія, вокругъ большія лѣса, обширныя поля, и нѣтъ ни долины и ничего голаго. Природа между Бахмутомъ и Изюмомъ великолѣпна и богата; богата и воспоминаніемъ: Тутъ около Славянки, на рѣчкѣ Торѣ (древнемъ Сюрліѣ), Игорь одержалъ надъ Половцами знаменитую побѣду, и чрезъ три дни погибъ на Кальміусѣ, не болѣе 60 верстъ отсюда начинающемся. До покоренія Крыма тутъ была пустыня, а теперь все ожило и дышитъ изобиліемъ. Россія идетъ подлинно исполинскими шагами! Не даромъ сосѣды ея тревожатся и ахаютъ при малѣйшемъ ея движеніи.

Въ семи верстахъ отъ Изюма прекрасное село, принадлежащее Г. Самбурскому, бывшему Духовникомъ при Императорѣ Павлѣ I и потомъ въ томъ же званіи находившемся при Ея Высочествѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ въ Пестѣ, останется долго въ моей памяти. Спускаясь подъ гору, вдругъ лопнулъ напильникъ, лошади понесли. По счастью догадливой молодець фореиторъ повернулъ ихъ въ сторону, и поставивъ карету поперекъ дороги, успѣлъ остановить лошадей на самомъ краю рва, гдѣ всѣмъ сидѣвшимъ въ каретѣ и кучеру и фореитору не бывать бы въ живыхъ. Благодаря благому Провидѣнію, я отдѣлся однимъ страхомъ, жена обморокомъ, дѣти слезами: карета уцѣлѣла, и мы, исправившись и перекрестясь, поѣхали.

Дабы отдохнуть отъ страха и починить экипажи, въ коихъ нашлись неважныя неисправности, я остановился въ *Изюмѣ*. Этотъ уютной городокъ расположенъ по обѣ стороны Донца, окруженный лѣсами при подошвѣ горы, на которую отъ деревни Самбурскаго подымались мы по отлогому скату болѣе трехъ верстъ. Строеніе въ немъ болѣею частію деревянное, красивой наружности; но улица, по которой проѣзжалъ я, еще по старинному узка и крива. Единственный въ городѣ трактиръ былъ занятъ пріѣзжими, и я принужденъ былъ возвратиться назадъ къ Станціонному дому, построенному иждивеніемъ дворянства, гдѣ нашла прекрасную комнату, говорливую хозяйку и услужливаго Смотрителя.

5^м *Сентября*. Не смотря на пески, я прибылъ на первую станцію вскорѣ по разсвѣтѣ. Здѣсь Смотритель еще услужливѣе Изюмскаго. Въ 1812 году, попавшись въ плѣнъ, онъ выучился по Французски; и хотя вѣжливость его на семь предестомъ языкѣ стоила мнѣ нѣсколько дороже, за то получилъ я лошадей безъ задержанія. Не въ *Волоховомъ ярѣ*, откуда кнѣ надобно было повернуть въ сторону отъ большой дороги. Смотритель предъявилъ повелѣніе отослать всѣхъ лошадей въ Чугуевъ немедленно. Для этой неоспоримой причины, надобно было цѣлую недѣлю жить на дорогѣ, ибо почтовой домъ сгорѣлъ, а переѣхать въ ближнюю деревню было не на чѣмъ. Но золото, этотъ идолъ-соблазнитель, скоро довелъ до счастливой развязки, и я въ тотъ же день былъ въ объятіяхъ брата, служившаго въ одномъ изъ поселенныхъ Уланскихъ полковъ.

Въ семействѣ брата не видалъ, какъ прошла недѣля: бесѣду нашу можно было уподобить сліянію Оки съ Волгою. Послѣ долгой разлуки и было о чѣмъ поговорить. Картина его семейственного счастья восхитила меня; дѣти наши также слились и разыгрались до того, что отъ усталости, какъ мнѣ показалось, похудѣли. Два дни провелъ я у моего друга, товарища N.... моего Ореста, съ коимъ много лѣтъ плавая по морямъ, жилъ въ одной каютѣ.

14^м *Сентября*: При пушечныхъ выстрѣлахъ начавшихся маневровъ я проѣхалъ Чугуевъ на

останавливаясь. Съ удивленіемъ смотря на устройство сего прежде незначительнаго, не опрятнаго городишка, и пройдявъ поля, уставленные, такъ сказать, тысячами тысячъ стоговъ, разнаго хлѣба и сѣна, я съ удовольствіемъ вспомнилъ, какихъ усилій стоило Петру Великому, преобразовать нашъ народъ, когда и теперь безъ полицейской управы добровольно улицы не подметутъ.

Въ *Харьковѣ* никого своихъ не засталъ, хотѣлъ тотчасъ выѣхать; но болѣзнь одного изъ домашнихъ принудила меня прожить въ городѣ три дня. Это время провелъ я какъ арестованный и содержащійся на гауптвахтѣ офицеръ: плохо ѣлъ, много спалъ, и ничего не дѣлая, курилъ трубку.

18го *Сентября*. Не смотря на грязную и гористую дорогу, часовъ въ 10 вечера, добился до *Бѣлгорода*, гдѣ засталъ все свое семейство за ужиномъ. Мать, два брата, сестра, невестка, встрѣтили меня съ распростертыми объятіями и слезами; но слезы свиданія послѣ долгой разлуки уладительны. Мы просидѣли почти до свѣта, часы мои стали, и я забылъ и время и усталость. Какъ въ ружейной перестрѣлкѣ выстрѣлъ слѣдуетъ за выстрѣломъ, такъ въ нашей дружеской, откровенной бесѣдѣ, вопросъ слѣдовалъ за вопросомъ. Мысли, подобно бурнымъ облакамъ, носились по поднебесью, и подобно солнечному лучу, перелетали изъ страны въ страну, столь быстро, что 20 и 30 лѣтъ жизни прожито часа въ два: — и ничего не забыто.

Воспоминанія о дѣтскихъ, юношескихъ лѣтахъ, всегда памятны, всегда краснорѣчивы. Общество, въ которомъ я находился, представило глазамъ моимъ истинно патріархальную картину, которая не могла мнѣ не нравиться. Все меня занимало, все могло возбудить веселость; если бы въ ней имѣлъ надобность. Пять дней протекли какъ одинъ часъ; такіе моменты бѣдное сердце, рѣдко находитъ на землѣ.

Я выѣхалъ съ дождемъ, который три дня не переставалъ ни на минуту; по счастію, въ Харьковской и Курской губерніяхъ построены прекрасные станціонные дома. Находя въ нихъ покойный пріютъ и все нужное, я не скучалъ дурною погодою и медленною ѣздою.

Вскорѣ примѣтно стало, что находишься въ Россіи. Ямщики, по уши въ грязь, запрягають въ уторопъ, везутъ въ силу, и покрикивая, помахивая кнутомъ, въ перемежку поютъ да погоняють. Кого тонъ этихъ пѣсенъ не трогалъ? Онѣ возбуждаютъ въ душѣ какое-то чувство гордости: и я, *слава Богу, Русской!* шептало мнѣ оно.

Станція до Курска тяжела: болото, песокъ, и хотя чрезъ топъ насыпана хорошая плотина; но по ней послѣ дождя иначе ѣхать было не лзя, какъ шагомъ. Курскъ прекрасный городъ, расположенъ на двухъ горахъ, соборъ изящной архитектуры, первый бросается въ глаза; лазуревый куполъ его, усѣянный золотыми звѣздочками, виситъ въ воздухѣ.

Сады, славящіеся хорошими плодами, украшаютъ городъ, и ставятъ его въ число лучшихъ нашихъ Губернскихъ городовъ.

Надобно замѣтить, что съ того времени, какъ достойный вѣчной памяти Императоръ Александръ Павловичъ для осмотра войскъ и благотворительныхъ заведеній, началъ ѣздить по Россіи, всѣ вообще города преобразились, украсились хорошими зданіями, бульварами, садами. Нѣкоторые думаютъ, что въ Его царствованіе ходъ просвѣщенія замедлился, и къ прежнимъ недостаткамъ прибавились новые. Правда, 25 лѣтнее соперничество съ человѣкомъ необыкновеннымъ, гениемъ войны, бореніе съ народомъ могущественнымъ, революціонернымъ, ввело и между нами нѣкоторыя идеи, противныя духу нашей народности, но ходъ просвѣщенія тѣмъ не былъ остановленъ. Сравните времена Екатерины съ нынѣшними, взгляните на внутренніе наши города, на устройство полиціи, вспомните что было за 50 лѣтъ назадъ; и вы убѣдитесь, что если не всѣ отрасли правленія, то многія изъ нихъ значительно улучшились. Не лѣзя также не соглашаться, что состояніе крестьянъ многимъ и многимъ не то, что было прежде.

Если положеніе дворянъ, старыхъ нашихъ аристократовъ, вельможъ, нѣкоторымъ образомъ поотступило назадъ, то въ томъ они сами не правы: ибо принявъ Французскіе нравы и обычаи, и уступя либеральнымъ идеямъ, несвойственнымъ,

неприличнымъ для насъ, хотя они не ослабѣли еще въ любви къ отечеству; но содѣлавшись чуждыми всего что несетъ на себѣ печать родной страны, наружностію уподобились иноземцамъ, которыхъ народъ подъ общимъ именемъ *Нѣмцовъ* разумѣть....

Къ утѣшенію патріотовъ счѣтаю нужнымъ прибавить, что нынѣ царствующій Государь, съ твердостію Его достойною, обратилъ вниманіе на отечественное воспитаніе, и учебныя заведенія уже узнать не лѣзя, такъ они преобразились. Запрещеніе посылать дѣтей въ иностранныя университеты, произвело столь же благотѣльную перемѣну: я знаю, что во многихъ домахъ отпустили Аббатовъ, закону Божію начали учить по Русски; Ренегатство кончилось. Давно уже не слышно, что бы кто-либо прѣзжалъ изъ за границы, принявъ Католическую религію; молиться по Французскому молитвеннику также вышло изъ моды. Словомъ, въ необходимости знать Русскую грамоту и законъ, кажется, начали убѣждаться.

Наконецъ, солнце показалось, дорога подсохла, уладились; я приказалъ ѣхать скорѣе, какъ вдругъ карета поворотилась въ сторону, и я увидѣлъ посреди дороги лежащаго человѣка. Ямщики сами остановились, люди мои подошли къ лежащему, поворотили его; и мужикъ, широкоплечій съ окладистою бородою, съ разбитымъ лбомъ, приподнялся, сѣлъ, и протерши глаза, началъ осматриваться. Что братъ, видно уснулъ? спросилъ я

его. Да не што, отвѣчалъ мужикъ. Гдѣ же твой кафтанъ, кушакъ и шапка? Ну! вѣстимо, что добрыя люди подобрали. Кто же тебѣ виновать, вздумалъ спать посреди большой дороги. Эхъ! баринъ, почесывая голову отвѣчалъ дѣтина, „и умъ придетъ, да пора пройдетъ.“

Еще одно замѣчаніе и я кончу. Вообще роскошь между Вельможами уменьшилась, а между среднимъ сословіемъ и особенно разночинцами, такъ называемыми Титулярными Совѣтниками, изъ Грузіи и Сибири съ достоинствомъ Ассессоровъ возвратившихся, роскошь до крайности увеличилась; и все стало дороже въ той соразмѣрности, сколько нужда и число потребителей умножилось. Богатые Бояре не живутъ уже въ своихъ огромныхъ палатахъ, одни съ своимъ семействомъ; но помѣщаясь въ тѣсномъ отдѣленіи, отдають весь домъ въ наемъ, открытыхъ столовъ уже не держатъ, уже не высыпають на картежный столъ пригоршни золота; — и все у нихъ въ закладъ, сами въ долгу какъ въ шелку. Напротивъ, войдите въ квартиру мелкаго чиновника, живущаго, однимъ жалованьемъ, но служившаго по-прежде бывшей вѣрной операци и тому подобнымъ мѣстамъ; и вы увидите мебель краснаго дерева, зеркала, картины, бронзы, фарфоръ, серебро и дорогіе ковры на паркетъ и по лѣстницамъ. Прежде инаго Титулярнаго Совѣтника, можно было за труды поподчивать въ харчевнѣ, травничкомъ и селянскоу; нынѣ надобно вести его въ великолѣпную

ресторацию и нонить Шампанскимъ. Словомъ, старое дворянство въ нуждѣ; новому дался въ руку кладъ.

Не смотря на столь быстрое распространение роскоши, вообще жить стали скучнѣе. Въ столицахъ веселятся только въ Англійскомъ клубѣ за вистомъ; въ губерніяхъ и уѣздахъ вспоминаютъ о прежнихъ *доходцахъ*, которыми всѣ сыты были; въ деревняхъ скучаютъ, каждый вѣсть свой кусокъ въ углу, и уже изрѣдка является старинное хлѣбосольство. Молодые наши люди, воспитанные Французскими гувернерами, какъ чуждые своему отечеству люди, увлекаемые духомъ времени, либеральничаютъ, скоро старѣютъ, въ величавой осанкѣ своей имѣютъ нѣчто важное, ученое, заносчивое. — Прапорщики, только что произведенные..... но я обѣщаль кончить и приступаю къ заключенію.

Самъ Тацитъ не могъ бы написать хорошей современной исторіи, ибо какой предметъ не избралъ бы онъ для своего описанія, вездѣ встрѣтилъ бы много препятствій. Однимъ не понравился бы угодливостію, другимъ правдою выкололъ бы глаза, потворствомъ исказилъ бы истину, чрезмерною похвалою не обманулъ бы никого; словомъ, нажилъ бы много непріятелей, а обществу не принесъ бы никакой пользы. По тѣмъ же причинамъ трудно, и почти невозможно описать настоящее наше положеніе, наше житіе бытіе, въ такое время, когда каждый смотритъ на существующій

порядокъ вещей своими глазами, и составляетъ объ нихъ свои понятія. На сцену жизни подлинно должно смотрѣть точно также какъ на театральную декорацию;— вдали онѣ нравятся, прельщаютъ взоръ; вблизи, вмѣсто живописи вы увидите одно маранье малера. Анатомія, подробности, тутъ были бы не у мѣста.

Кладу перо — благодарю благосклонныхъ читателей, удостоившихъ прочесть мои бѣглыя замѣчанія до сей строки; и прошу снисхожденія у тѣхъ, которымъ не угодилъ.

К о н е ц ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Вмѣсто Предисловія	
Новочеркасскъ	1
На пути въ Пятигорскъ.....	8
ПЯТИГОРСКЪ: Взглядъ на городъ.....	30
Описаніе сада и находящихся въ немъ минераль- ныхъ водъ.....	41
Описаніе купаленъ.....	47
Цѣлебность водъ и принятый способъ леченія оними.....	60
Времяпрепровожденіе.....	73
Нѣчто о Черкесахъ.....	81
Разъѣздъ.....	92
Мысли и замѣчанія на возвратномъ пути.....	97

ПОГРѢШНОСТИ.

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
Стр. 6 строка 25	здѣсь.....	здѣсь
— 7 — — 11	впадающихъ...	впадающихъ
— 109 — — 14	1772 г.....	1672 г.
— 144 — — 30	разеринулся;	раздвинулся;
— 161 — — 26	онѣхъ.....	ихъ

ВЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

— 14 — — 7	Баталинской	Батайской
— 20 — — 28	обстроены...	обстроена
— 28 — — 10	пороснѣмъ ..	пороснѣхъ
— 29 — — 20	встрѣтились ..	встрѣтился
— 67 — — 81	еще.....	уже

МАРШРУТЪ,

ОТЪ С. ПЕТЕРБУРГА, ЧРЕЗЪ ТУЛУ И ВОРОНЕЖЪ

ДО ПЯТИГОРСКА.

Числа.		Верст.	Лошад.	Губер.
	Отъ Санктпетербурга.			
20 Мая	Ижора	33	По ямамъ въ лошадей недостатка не случается	} С.П.б.
1831.	Тосна	24 $\frac{1}{2}$		
	Померанье	32		} Губ.
	Чудово	25		
	Спаская Полѣсть ...	24		} Новгородской Губернн.
	Подберезье	24		
	Г. <i>Новгородъ</i>	21		
	183 $\frac{1}{2}$			
	Бронницы	25		
	Зайцово	26		
	Г. <i>Крестцы</i>	27		
	Рахино	16		
	Яжелбицы	16		
	Г. <i>Валдай</i>	20		
	Едрово	20		
	Хотилово	32		
	Г. <i>Воложекъ</i>	30		} Тверской Г.
	Выдропускъ	33		
	Г. <i>Торжекъ</i>	38		
	Мѣдное	33 $\frac{1}{2}$		
	Губ. <i>Тверь</i>	30		} Москов- ской Губ.
	346 $\frac{1}{2}$			
	Городня	30 $\frac{1}{2}$		
	Завидово	25		
	Г. <i>Клинъ</i>	28		
	Солнечная гора	21		

Числа.		Верст.	Лошад.	Губер.
	Черная грязь	30		Московской
	Москва	26		
	<u>160$\frac{1}{2}$</u>			
	Отъ С. П. бурга до Москвы...690 $\frac{1}{2}$			
	Г. Подольскъ	30	20	
	Лопасня	32	30	
	Г. Серпуховъ	27	30	
	Ведвенской заводъ ..	33	30	
	Вошаны	19 $\frac{1}{2}$	30	
	Волоти	22	14	
	Губ. Тула	13	50	Тульской
	<u>176$\frac{1}{2}$</u>			
	Отъ С. П. бурга до Тулы.....867			
	Упская Гать	14	14	
	Дедилова	19	14	
	Г. Богородицкѣ	25	16	
	Никитское	25	14	
	Большіе плоты	27	14	
	Г. Ефремовъ	16	16	
	Николаевка	20	14	
	Пальна	22 $\frac{1}{2}$	10	Орловс. Воронежской.
	Г. Елеуъ	27	10	
	Извалы	19	10	
	Г. Задонскъ	19	30	
	Хлевное	26	30	
	Бестужевка	14	30	
	Животинное	17	30	
	Губ. Воронежъ	25	60	
	<u>315$\frac{1}{2}$</u>			
	Усмань	12	30	
	Рогачевка	15	30	

Числа.		Верст.	Лощ.	Губер.
	Можайской поселохъ .	23	30	Воронежской.
	Средній Икорецъ . . .	27	30	
	Шестакова	34	40	
	Лосева	14	30	
	Г. Павловскъ	21	30	
	Казанка	20	30	
	Нижній Мамонъ	23	30	
	Бычокъ	27	30	
	Матюшкинской логъ .	25	30	
	Сухологовская	29 $\frac{1}{2}$	30	
	Верхне-Лазовая	30	30	Донскаго.
	Нижне-Лазовая	27	30	
	Суховская	32	30	
	Разсошинская	28	30	
	Астахова	30 $\frac{1}{2}$	30	
	Харьковская	25	30	
	Кундручевская	33	30	
	Константиновская . .	26	36	
	Губ. Новочеркасскъ . .	30 $\frac{1}{2}$	45	
	530			Земли Войска Донскаго.
	Змиѣвская	21	36	
	Аксай, переправа черезъ Донъ	8		
	Батайская	18	30	
	Кагальницкая	26	30	
	Мечетинская	28	30	
	Нижне-Егорлыцкая . .	26	30	
	Средне-Егорлыц- кая (карантинъ) . .	20	30	
	Песчаноконская	28	30	
	Лѣтницкая	25	30	
	Медвѣжьева	28	30	Кавказ. Обл.
	Преградная	17	30	
	Безопасная	25	30	
	Донская	20	30	

Числа.		Верст.	Лош.	Губер.
Юня 16 1831.	Московская	18	30	Кавказская Область.
	Губ. <i>Ставрополь</i> . . .	32	30	
	340			
	Марьевка	20	30	
	Базовая Балка	22	30	
	Сергѣевка	22	30	
	Калиновка	17	30	
	Александровъ	18 $\frac{1}{2}$	30	
	Сабля	27	30	
	Александрія	38	30	
	Г. <i>Георгиевскъ</i>	13	30	
	Г. Пятигорскъ	40	30	
	217 $\frac{1}{2}$			
	Итого отъ С. П. бурга до Пятигорска	2268		

**ОБРАТНО ОТЪ ПЯТИГОРСКА ДО САНКТПЕТЕР-
БУРГА.**

25 Авг. 1832.	Выѣхалъ изъ Пяти- горска.			Земли Войска Донск. Ека- терин.
30 Авг.	До <i>Новогерка</i> ска . . .	557 $\frac{1}{2}$		
1 Сен.	Зміевская	21	36	
	Г. <i>Ростовъ</i>	17	30	
	Чалтуринская	17	30	
	Бабинская	20	15	
	Пришибинская	28	15	
	Колодезная	22 $\frac{1}{2}$	15	
	Есауловская	23	15	
	Ивановская	25	27	
	Адріанопольская	17	18	

Числа.		Верст.	Лош.	Губер.
	Чернухина.....	18	18	Екатеринослав.
	Луганская.....	23	18	
	Г. Бахмутъ.....	24	33	
	<u>255$\frac{1}{2}$</u>			
	Копанки.....	20	15	Слободско-Украинской.
	Славянскъ.....	24	15	
	Голая долина.....	20	15	
	Г. Изюмъ.....	28	24	
	<u>92</u>			
5 Сен.	Теплянка.....	33	18	
	Волоховъ Яръ.....	21	15	
	Малиновка.....	18	15	
	Г. Чугуевъ.....	23	21	
	Рогань.....	18	15	
14 Сен.	Губ. Харьковъ.....	18	60	
	Отъ Новочеркасса до Харькова..478 $\frac{1}{2}$			
	Липцы.....	27	30	Харьк.
	Чермышная.....	26	26	Курск. и Орл.
18 Сен.	Г. Бѣлгородъ.....	23 $\frac{1}{2}$	36	
	Яковлева.....	28	26	
	Кочетки.....	20	26	
	Г. Оболянь.....	18	30	
	Медвенка.....	24	26	
	Селяхово.....	18	26	
25 Сен.	Губ. Курскъ.....	17	46	
	<u>201$\frac{1}{2}$</u>			
	Сороковой колодезь.....	23	26	
	Ольховатка.....	16	26	
	Очки.....	21	22	
	Борисоглебская.....	25	26	

Числа.		Верст.	Лош.	Губер.
27 Сен.	Хотетово.....	25	26	Орловской. Тульской.
	Губ. Орелъ.....	25	40	
	135			
1 Окт.	Обтуха.....	18	30	
	Г. Мценскъ.....	35	30	
	Большое Скуратово.	28	30	
	Малое Скуратово...	20	30	
	Сергѣевское.....	26	30	
	Солова.....	26	30	
23 Окт.	Ясная Поляна.....	18	30	
	Губ. Тула.....	17	50	
	188			
4 Нояб. 1832.	Отъ Тулы до С.			
	П. Бурга.....867			
	Итого въ обратный путь.....	2426 $\frac{1}{2}$		
	Туда и обратно всего.....	4694 $\frac{1}{2}$		